

Майя НОВИК

г. Ангарск

Жизнь порой бьёт, но эти удары — лекарство.

Пётр Мамонов

Дорога оставалась прежней. Шоссе летело вперёд, на спусках захватывало дух и начинало сладко ныть под ложечкой, а на подъёмах, чтобы не снижать скорость, приходилось то и дело щёлкать коробкой передач. Дорога «держала», вела всё дальше и дальше, не давала расслабиться. Лучше не думать. Лучше вообще ни о чём не думать. Да и когда ворочать мозгами, если надо во что бы то ни стало обогнать вон тот красный седан? А ещё лучше — вот этот чёрный грозный внедорожник, до самых окон заляпанный грязью, который, кажется, никуда и не торопится?

Затем надо аккуратно вписаться в крутой поворот, чуть завалив «Ямаху» набок и поддав газу. Выровнять её, сильной рукой удерживать на дороге, чтобы пошатнувшийся мотоцикл не сдуло порывом ветра от встречной фуры.

— Отлично! — бормотал он сквозь зубы. — Главное, не думать. Ни о чём не думать. Всё будет хорошо!..

Двигатель «Ямахи» пел обычную песню дороги. На мостах и эстакадах она прерывалась отчётливой барабанной дробью эха от ограждения и почти стихала, когда мотоцикл шёл накатом, чтобы потом, когда водитель тронет ручку газа, снова взорваться победным рокотом.

Стоило отъехать от города каких-нибудь триста километров, как дождь закончился, тучи ушли на восток, за спину, и скрылись с глаз, стоящее в зените солнышко начало припекать, пришлось остановиться и снять дождевик.

И всё-таки что-то изменилось в дороге. Теперь она была равнодушной к нему. И всё чаще казалась неприветливой. Вернулась тревога. На самом деле тревога и не уходила никуда, просто за повседневными заботами Авдей спрятал её так далеко, что и себе, и другим казался спокойным, даже равнодушным.

Зря они собрались так далеко. Или не зря?

Глянул в зеркало заднего вида. Кира, всё ещё

ПАЛЛОМНИКИ

ПОВЕСТЬ

затянутая в чёрный дождевик, теперь догнала его и неотступно следовала за ним на своём ярко-синем «Сузуки», висела на хвосте, не отставала. Да и когда она отставала? Всегда рядом. И как только поспевала на своём задохлике? Непонятно. Он как-то пытался поехать на её мотоцикле, но быстро сдался. Двигатель слабоват, на обгон путём не пойдёшь, того и гляди помрёт невовремя. Да ну на фиг. А ей — надо же! — нравится.

Авдей включил поворотник, притормозил, убедился, что жена заметила маневр, окончательно сбросил скорость и направил мотоцикл на обочину шоссе. Надо было размяться, да и Кире наверняка нужно снять дождевик.

— Ну как ты? — спросил, когда она заглушила мотоцикл и, попрыгнув на одной ноге, слезла с высокого эндуро. Подошла, стянув перчатки и подняв стекло открытого чёрного шлема.

Лицо Кире скрывал подшлемник, и она сдвинула его вниз, чтобы можно было разговаривать. Серые глаза блестели, выдавая лихорадку. Губы из привычно розовых стали ярко-красными, на щеках разгорелся румянец.

— Да что-то не очень, — с нездоровой хрипотцой ответила Кира.

Авдей взял жену за руку. Рука была горячей. Очень горячей.

Нехорошо.

— Лекарства-то есть?

Кира виновато вздохнула:

— Ну что-то есть.

— До вечера продержишься?

— А куда я денусь? Да нормально всё, Авда, только горло болит. На ночёвку остановимся пораньше, ладно?

— Конечно, — Авдей приобнял жену, на всякий случай оглянулся на дорогу, нет ли машин. А то мало ли что могут про них подумать. Стоят два мотоциклиста, обнимаются. Народ нынче такой пошёл: сначала поколотят, а потом разбираться будут, где тут кто!

Машин не было.

Сейчас, когда Авдей прижал к себе жену, стало видно, что он на голову выше, намного шире в плечах. Кира была рядом с ним просто ребёнком из детского сада — невысокая, тоненькая. Авдей наклонился к жене, стукнулся шлемом о её шлем, потёрся носом об нос.

— Не раскисай! Всё будет нормально. Обещаю.

День начинался неплохо. Выехали из гаража они, правда, поздно — в одиннадцать и сначала попали под дождь. Но теперь-то погода налаживалась! Чтоб ей пусто было, этой продавщице! На фиг она дала холодную фанту? Кира же просила тёплую дать!

В глубине души Авдей знал, что дело не в упрямившейся продавщице, которой, может быть, просто не понравилась красивая мотоциклистка в сопровождении синеглазого мужа. Дело в том, что Кира нездорова. Не было бы холодной фанты, которую она едва пригубила, было бы что-нибудь другое: ледяная ночь, ливень, промокшая от пота футболка и ветерок...

— Дождевик снять не хочешь?

— Нет, — Кира дурашливо скривила губы, поёжилась, и Авдей снова обнял её.

— Вспотеешь.

— Тогда и переоденусь, а сейчас мне что-то... не жарко. Рвём дальше?

— Рвём, — Авдей подёрнул вверх собачку молнии на дождевике жены, выпустил из объятий.

Заднее колесо мотоцикла чуть провернулось на влажной обочине.

Кира обогнала мужа, какое-то время ехала впереди, но затем Авдей вывернул рукоять газа и легко оставил позади маленький эндуро.

Кира какое-то время ехала, глядя, как удаляется мотоцикл Авдея, и красные вставки на куртке мужа становятся неразличимыми, а потом тоже добавила газу, догнала и поехала сзади.

За «Ямахой» Авдея по асфальту бежал солнечный зайчик — от зеркала заднего вида, на ветру развевались ремешки пристёгнутой к багажнику сумки, с немислимой скоростью бился о шлем хлястик на вороте его куртки.

Горло болело всё сильнее. Пот заливал глаза.

В ушах звучали слова врача. Не первого врача. И даже не второго. Областное светило науки. Очередь к нему, как в мавзолее. Слова подтвердили самое плохое.

— У вас опухоль.

Когда она услышала это в первый раз, заledenело лицо.

Сейчас осталась спокойной.

— Ну я как бы в курсе.

— Повода для расстройств я не вижу. Обычно к злокачественной опухоли подходит кровеносный сосуд, её питающий. У вас такого нет. Надо оперировать. Пока опухоль маленькая, можно сделать лапароскопию.

Эти слова она уже тоже слышала. Так говорили маме. А у неё оказалась онкология, операция была пять лет назад, затем — два курса химиотерапии, после которых она превратилась в старушку с запавшими висками, тоненькими ручками и просвечивающими через прозрачную кожу чёрными венами.

Кира повела плечами, прогоняя холодок со спины.

— Я всё поняла.

Отец тоже умер от рака. Рак был и у двоюродного брата. Почка. И у бабушки — печень. У дяди — лёгкие. Рак разнообразен и замысловат. Люди придумали антибиотики, а Бог ответил им раком. Страданий меньше не стало.

«Ему обязательно надо нас чем-то наказывать, воспитывать, — мелькнула горькая мысль. — Победим рак, появится что-нибудь ещё, а потом ещё! И ещё! И так до бесконечности, до конца истории».

— Боли есть? — спросила знакомая врач в ведомственной поликлинике, куда она пришла на приём повторно.

Врач была практически ровесницей, они учились когда-то давно в одной школе.

— Есть.

— Тянущие? Острые?

— Не знаю, — Кира пожала плечами. — По ночам. Просто больно, и всё. Наверное, тянущие.

— По ночам — это плохо.

«Да уж чего хорошего!» — хотела сказать Кира, но промолчала.

— Я запишу тебя на лапароскопию? Это лучше, чем обычная операция. Три прокола, и всё. Главное, чтобы опухоль ещё не выросла, вырастет — тогда только в онкологию.

Киру передёрнуло.

Онкология — это шесть человек в палате, неисправный туалет, драный линолеум в коридорах, равнодушные, деловые, всегда занятые врачи, оперирующие до самого вечера.

— Так, — врач заглянула в какую-то тетрадь. — Могу записать на двенадцатое августа. Пой-

дѐшь? Лечь в больницу надо будет пораньше, так что будь любезна появиться у заведующей числа десятого.

— Пойду.

— До августа попробуй обойтись без нагрузок. Работать можно, но лучше головой, тяжести не таскать, если что — сразу ко мне. Да, за неделю до операции сделаешь биопсию и сдашь анализы. Вот направления.

«Без нагрузок? Ну уж дудки! — думала Кира в коридоре, сердито сдирая с кроссовок шуршащие синеватые бахилы. — Сидеть на диване и ждать, пока помру? Да ни за что!» — бросила бахилы в мусорное ведро, толкнула тяжёлую дверь, вылетела на ослепительное июньское солнце. Зажмурилась от яркого удара.

Тополя шуршали тяжёлой листвой на ветру.

«Лучше оторваться в последний раз! А там — посмотрим! Умирать вообще лучше в дороге!»

А ведь не раз и не два думала она о том, что хорошо бы умереть в путешествии. Так, чтобы быстро. От инфаркта там или ещё от чего. Или от встречного КамАЗа. Как мотылёк. Шпок! И ваших нету! Только вот почему так хочется жить? Увидеть другие страны? Побывать да хоть в том же Китае! Или в Монголии!

«Почему, когда думаешь о смертельных болезнях других людей, всё время кажется, что сопротивление им бесполезно? Пора бы и о душе подумать, смириться, покаяться в грехах, приготовиться как-нибудь! А как до тебя самой дело дошло, так вдруг жить захотелось?»

Она ехала в маршрутке и напряжённо улыбалась уголками губ.

— Так куда ты собралась? Я не понял, — переспросил Авдей, когда она рассказала ему о планах на ближайшее время.

— Э-э... Ну скажем так: докуда доедем. В идеале б хотелось до Москвы. Круто должно получиться. Деньги есть. Мотики исправны. Цепи и звёздочки сменим там, в Москве. Можно будет и в Дивеево заехать, и в Лавру к Преподобному.

— Чуда хочешь? — прямо спросил Авдей жену.

— А почему нет? Я в чудеса верю. И тебе было бы неплохо хоть раз в паломническую поездку съездить, пусть и на мотоцикле.

— Денег хватит?
 — Я посчитала, хватит.
 — А тебе? На потом?
 — А потом суп с котом, — разозлилась Кира.
 — Биопсия бесплатно, операция — тоже. Про лечение сам всё знаешь, видел. А там... Да хоть потоп! А сейчас я хочу в Москву, понял?

Если Кира вбивала себе что-нибудь в голову, остановить её было трудно. Да Авдей не очень-то и горел желанием останавливать. Байкер на то и байкер, что для него главное — мотоцикл и дорога. К тому же понимал, что ждёт их впереди.

Он был даже рад такому настроению жены. Тревожили только обезболивающие таблетки, которые она принимала на ночь.

— А ты выдюжишь? — осторожно спросил он.
 Кира коротко вздохнула:

— Ну ты ж знаешь, в дороге приходит второе дыхание.

Это верно. Не раз и не два Кира выезжала в путешествие больной. Однажды прямо перед отъездом её в автосервисе покусала собака и распухшая от инфекции нога потемнела. Но Кира махнула рукой и поехала. Ехала и пила жуткую смесь антибиотиков. И выздоровела за три дня. Нога, правда, болела потом почти год на смену погоды. Но тут уж мотоциклы были ни при чём. Глубоко собака прокусила, может, связки задела. Авдей ругал тогда себя, что отпустил жену в сервис одну. Кира отличалась и умом, и сообразительностью, и даже в ремонте мотоцикла могла что-нибудь подсказать, но обладала абсолютной, фантастической безалаберностью-невнимательностью. Вот и залетела под сторожевую псину, которая к тому же ещё и щенков оберегала.

Хорошо, сторожа рядом были, оттащили овчарку. В общем, по-хорошему за Кирой глаз да глаз нужен. При всем при этом, когда она хотела, могла быть очень наблюдательной и собранной. Женщина, что с неё взять! Ребро без человека, хоть и с высшим образованием. Тем более, что с высшим образованием! Начитанные — они все такие. Голова в облаках, земли не видит, того и гляди споткнётся.

Авдей вздохнул, глянул в зеркало заднего вида, убедился, что всё в порядке, Кира по-прежнему ехала позади. Свет горел, поворотники не мигали, значит, всё было нормально!

Дорога вела. Уносились назад светлые берёзовые перелески и мрачные, тёмные еловые леса, деревеньки и города, мосты и реки, пригорки и овраги. Навстречу бежало синее небо, в переносицу бил ветер, резало невыносимо ярким солнцем глаза, и шоссе увлекало всё дальше и дальше от дома. И было уже невозможно остановиться, сделать перерыв в этом упоительном, опьяняющем движении, и рука сама собой то и дело добавляла газу и крепче стискивала руль.

Задохнувшись от встречного ветра, от света, от восхитительных, будоражащих запахов дороги, от восторга наконец, они на время и думать забыли о том, что существует ещё что-то, кроме сверкающей трассы М53 с её стремительными автомобилями, разбивающимися о стекло шлема бабочками и резкими сменами окрестных картин. Перед этим отступало всё. Уходили проблемы и недомогания, забывались обиды, несбывшиеся ожидания и тревоги.

Какое отличное обезболивающее — дорога!

Но не на этот раз.

После Тулуна на гравийке Авдей понял, что с «Ямахой» что-то не так. В цилиндре детонировало, словно паяльником прижигало ногу от патрубка глушителя, — двигатель нагрелся. На малой скорости мотоцикл непроизвольно подёргивался.

— Что за ерунда?!

Перед поездкой он тщательно проверил аппарат, всё было в норме, движок работал как часики.

— Давай заедем к «Северьяну», — предложила Кира, когда муж на остановке объяснил, что есть проблема. — Там поедим и мотик посмотрим.

Отель «Северьян» был небольшим, но весьма приличным заведением, славившимся среди дальнобойщиков. Здесь было всё: комнаты для ночёвки, кафе, баня, душ, магазин, заправка и небольшой автосервис. Отель частенько выручал припозднившихся путешественников. Особенно Авдей любил кафе — за блины. Дорого, но очень вкусно! Пышные, мягкие, в меру поджаристые. Их подавали с медом, с деревенскими сливками, со сгущён-

кой. Пальчики облизнешь и тарелку в придачу — не удержишься!

После остановки мотоцикл завёлся с третьего раза. Встревоженный Авдей дальше ехал небыстро, осторожничал, лишний раз не газовал, всё время прислушивался к двигателю. Гулкие хлопки в цилиндре не внушали оптимизма. Такого с мотоциклом ещё не было.

Перестала смотреть по сторонам и притомившаяся с непривычки Кира. Терпеливо «повисла» за «Ямахой» мужа, мечтая не столько о блинах с мёдом, сколько о кислом, терпком, таком, чтобы сводило скулы, клюквенном морсе. Быть может, у «Северьяна» есть и такое, кто знает!

До отеля доехали, когда солнце уже клонилось к острым верхушкам чёрных елей. На площадке перед ресторанчиком стояло множество легковых машин: седанов, минивэнов и внедорожников. Дальше, за гостиницей, пространство было забито громадными, тяжёлыми фурами, за которыми даже леса видно не было.

Возле дверей ресторанчика места свободно — только-только поставить два мотоцикла. Сюда-то и направили свои байки приуставшие путешественники. Под колёсами закрипел колотый чёрный камень, которым была отсыпана стоянка.

В маленьком кафе людей — не протолкнуть. Кое-как нашли свободные места за столиком, Авдей положил на скамью шлемы и куртки, Кира пошла к кассе — делать заказ.

Байкер внимательно обвёл взглядом помещение. Люд здесь собрался обычный. У двери за двумя столиками сидели здоровенные, щёкастые, стриженные под машинку мужики в клетчатых рубашках и серых жилетках, затылок одного из них, сидевшего спиной к Авдею, обозначали толстые жировые складки. Дальнобойщики. Худые среди них редкость, ну разве что подмастерья или экспедиторы какие-нибудь.

За соседним столом сидели три кавказца разной степени худощавости и смуглоты. Заказали только гречневую кашу и хлеб. По сто-

ронам не смотрели, занятые едой и разговором. Один из них, правда, всё время поглядывал в окно — следил за стоянкой. Это скорее всего перегонщики. Гонят машины из одного города в другой. Может, по заказу, а может, сами. Тоже работа.

Остальные столики были заняты отпускниками, едущими на отдых или возвращавшимися с него. Мужики в шортах и светлых маечках, женщины в коротком — в белом или светло-розовом, детишки в льняных панамках. Загорелые плечи и руки, спокойные, уверенные движения. Эти заняты только собой.

Вернулась Кира, села напротив, пожаловалась:

— Нет у них клюквы! Заказала себе чаю с двойным лимоном, вдруг поможет? Солянку будешь? Я солянку взяла и блины.

— Буду, — откликнулся Авдей и тоже следом за кавказцем посмотрел в окно — мотоциклы были на месте, правда, возле них крутился мальчишка лет девяти-десяти. Наверняка из местных, с Алзамая.

Местных тут, в «Северьяне» не кормили, хозяин их не привечал, даже табличка в кафе висела: «Местных не обслуживаем».

«Пацан — это не страшно».

Принесли заказ: горячая ароматная солянка в горшочках — янтарные капли жира плавают на поверхности, хлеб местной выпечки, долгожданные блины, чай. Кире — с двумя ломтиками лимона, Авдею — с молоком.

Байкер ел молча, быстро. Проглотил солянку и блины, увидел: жена к еде почти не притронулась, для вида похлебала остренького бульону, теперь с жадностью пила чай. Блины отодвинула в сторону.

— Ты чего?

Сморщила носик:

— Не хочу.

— Ну тогда я съем.

Не пропадать же добру, в самом деле! Авдей придвинул к себе тарелку с блинами, расправился с ними в два счёта, наконец-то почувствовал приятную тяжесть в желудке. В два глотка допил чай, отодвинул тарелки, встал. На его место уже наметился какой-то невысокий вертлявый мужичок в ярко-жёлтой ковбойке.

Байкер собрал тарелки, двинулся к выходу,

поставил тарелки на специальный столик для посуды, и тут его толкнули под локоть. Реакция у Авдея была превосходной, и ни одна тарелка на пол не упала — придержал. Недовольно оглянулся, отыскивая глазами наглеца, но увидел только спину, стриженный затылок с двумя выбритыми эсэсовскими буквами-молниями, непонятную татуировку на плече.

Авдея снова толкнули. Ещё один. Такой же худощавый, жилистый, нахальный. Бритая голова, чёрные джинсы и футболка с коловратом во всю спину.

«Прямо мишень, а не коловрат! — усмехнулся про себя Авдей. — Модный чувак!»

И третий — высокий, плечистый детина с приоткрытым ртом и ничего не выражающими глазами. Натуральный паровоз! Бритый череп, тяжёлые ботинки, камуфляжные штаны.

Кира, подхватив на локоть шлем и куртку, встала, в руках держала чашку с блюдцем. Первый из нациков, как сразу про себя назвал всю троицу Авдей, вдруг взял её за локоток, наклонился, что-то сказал.

Кира, которая смотрела до этого под ноги, удивлённо подняла на него глаза, и Авдей отчётливо увидел, как менялось их выражение — от первой растерянности и удивления до снисходительности и даже лёгкого презрения. Оно и было из-за чего. «Великий белый человек» был некрасив и носат. Изображая якобы любезную улыбку, он осерился, и оказалось, что зубов у него не хватает и вверху, и внизу.

Кира чуть насмешливо улыбнулась, отчего нацика передёрнуло, что-то негромко ответила, прошла мимо двух других нацистов по проходу к Авдею. Первый проводил её взглядом, напоролся на глаза Авдея, усмехнулся, тонкие губы дёрнулись. Глаз он не отвёл, с вызовом смотрел на мотоциклиста. Авдей двинулся было к нему, но Кира, быстро поставив чашку на столик, схватила мужа за рукав и буквально утащила его к выходу.

— Забей, Авда! Пойдём мотик посмотрим!

Она была права. Незачем в дороге цирк устраивать. Есть более важные вещи.

На улице по-прежнему светило солнце, от нагретого камня площадки шло тепло, вдали, за колонками АЗС, еле слышно вздыхал на

ветру лес. Авдей бросил куртку на сиденье, повесил на руль шлем, оглянулся, отыскивая глазами тень.

— Здравствуйте! — сбоку нарисовался тот самый парнишка, который торчал у мотоциклов, когда они ели. — А как называется ваш мотоцикл?

Авдей, который уже взялся за руль, чтобы перекатить мотоцикл, скосил глаза. Ему давно надоели вопросы на тему «сколько жрёт, сколько прёт», но что-то в тоне пацана заставило его оставить насмешку и ответить вполне серьёзно и тоже вежливо. Да и глаза у мальчика были хорошие: светлые и любопытные.

— Привет. «Ямаха», — Авдей налёг на мотоцикл и укатил его к шоссе — в тень. Кира решила не мучиться, толкая мотоцикл, села на «Сузуки», с трудом ногами вытолкнула его назад, потом завела, подъехала к Авдею, остановившись рядом, спешила. Вытащив ключ из замка, подошла к мужу.

Мальчишка притопал следом. Видимо, его тянуло к мотоциклам, как болтик к магниту, но ни Авдей, ни Кира не могли осуждать его за это — сами такие.

Ни слова не говоря, Авдей отстегнул сумку, навьюченную на багажник, положил на траву обочины, достал плоский ящик с инструментами, выбрал один из ключей. Затем снял с «Ямахи» сиденье, отсоединил бак.

Мальчишка, ещё стесняясь, некоторое время стоял поодаль, затем подошёл ближе.

— Сломался? — сочувственно спросил он.

— Есть такое дело! — Авдей был занят тем, что стаскивал со свечи наконечник.

Кира нашла среди инструментов свечной ключ, держала наготове.

— А вы откуда едете?

— С Ангарска, — Кира улыбнулась мальчишке, передала ключ мужу.

— А! Так вы не издалека! Местные. А у вас что за мотоцикл?

— «Сузуки».

— А вот этот мощнее, чем ваш?

— Конечно, мощнее. В этом — двигатель в шестьсот кубиков. А в моём — всего четыреста.

— А скорость? — продолжал спрашивать мальчишка. — Я вот тут смотрю на спидометре...

— А ты не смотри на спидометр. Обращай

внимание на мощность, кубатуру, на крутящий момент... Мой разгоняется максимум до ста десяти километров в час, и то с ветром в спину и под горку. А этот по трассе спокойно сто тридцать идёт.

Авдей внимательно рассматривал чёрную от копоти свечу. Что за ерунда? Позавчера, когда проверял мотоцикл перед дорогой, свеча была кирпично-красного цвета! Неужели что-то с зажиганием?

«Не будем делать преждевременных выводов...»

— Дай мне новую свечу, — попросил он жену.
— М-м... В правом заднем кармане сумки.

Получил свечу, вскрыл упаковку, вставив в ключ, стал ввинчивать её на место.

— А как вас зовут? — продолжал расспрашивать мальчишка и, услышав ответ, хмыкнул: — Какие у вас имена... редкие. А меня Лёшей. А как там, в городе? Хорошо жить?

— Нормально, — отозвался Авдей. — Шумно только, но зарплаты хорошие, не то что у вас.

— А хорошие — это сколько? — не отставал пацан.

— Хорошие — это, значит, можно покупать японские мотики и ещё хватит на бензин, квартплату, еду и одежду.

— А сколько вот такие мотоциклы стоят? — открывшаяся перспектива показалась мальчишке ошеломительной.

— Да ты на эти не смотри, эти старые.

— Ничего себе старые! — удивился Лёша.

— Старые. Вот этот старше тебя. Мой стоит ну что-то около двух тысяч долларов, а синий — ну тысячи полторы, не больше. А у вас зарплата какая в селе? Тысяч, наверное, восемь-десять?

— По-разному, — по-взрослому вздохнул Лёша.

— Работа вообще есть?

— Мало, лесхоз закрылся, многие в город уезжают. Вот и я в город хочу. Я сюда прихожу машины мыть, иногда удаётся заработать. Сёдня только работы нет.

— А деньги на что тратишь? — спросила Кира. — Небось, на пиво и сигареты?

— Не, — мальчишка помотал головой, — иногда лапшу покупаю, иногда шоколадки, ну там сникерсы и всякое такое. Иногда и домой чего. Крупу там или хлеба.

— А наркоманы у вас в Алзамае есть?

— Есть, — Лёша кивнул. — Много. Я в город хочу. Не хочу здесь...

За разговором Авдей надел на свечу наконечник, поставил на место бак, подсоединил бензошланг, завел «Тенери», послушал. Двигатель завёлся неохотно и работал неровно, и Кира тоже услышала это.

— Что, приехали? — забеспокоилась она.

И он, и она уже и думать забыли о компании странно одетых нагловатых молодых людей.

А те, видимо перекусив, вышли из кафе, загрузились в машину. За руль сел парень в чёрной футболке, рядом с ним — щербатый, на заднем сиденье развалился верзила. Машина вырулила со стоянки.

Щербатый, посмотрев вперёд, вдруг увидел Киру и Авдея. Начал бешено крутить рукоять окна. Стекло нехотя поползло вниз.

— Шлюха жидовская! — громко сказал он с ненавистью, когда машина проезжала мимо мотоциклистов. — Тьху!

Не расслышал этого только мальчишка, который отвлёкся, высматривая кого-то возле заправки.

Чёрные брови Авдея поползли вверх.

— С чего это ты так... сподобилась? И что он тебе в кафе сказал? И ещё, — до него только сейчас дошёл смысл ругательства, — я что, похож на еврея?

— Вопросы, вопросы, — вспыхнувшая Кира довольно зло прищурилась. — Главное, эпитет в мой адрес тебя, видимо, не тронул! Первое — не знаю, второе, — Кира наклонилась к мужу, чтобы не слышал мальчик, — он сказал: «Ути-пути, мотоциклисточка! Поцелуешь — дам сто рублей!» — и уж тут настала очередь Авдея краснеть от злости, — а в-третьих, ты похож на киргиза. На синеглазого, большого и очень симпатичного киргиза.

Авдей сердито отвернулся от жены, засопел, занялся мотоциклом: снова отсоединил бензошланг, снял бак, стащил наконечник свечи, заглянул в него.

Лёша с интересом наблюдал за мотоциклистами.

— Что за оказия такая? — Авдей ткнул внутрь наконечника отвёрткой. — О! Нашёл! Контакт вывернулся! — он мгновение размышлял над

проблемой. — В Тулуне бензина левого хвата-нули, не иначе. От детонации и отвернулось, — он закрутил контакт, поставил наконечник свечи на место, стал собирать мотоцикл.

Поставил на место бак, завёл «Ямаху», послушал — двигатель работал без перебоев. Авдей удовлетворенно кивнул, вернул на место сиденье.

— А вы в городе куда-нибудь ходите? Ну там в клубы всякие? — заторопился с расспросами мальчишка, видя, что байкеры стали собирать вещи.

— Нет, Лёха, в клубы мы не ходим. Есть два правила в жизни. Первое — не пить, не курить и не колоться. И второе — не ходить по клубам. Лучше иметь какое-нибудь увлечение. Вот мотоциклы, например. Ну или, как я, дом строить за городом, — Авдей подмигнул мальчишке. — Будешь ходить по клубам — будут тебе неприятности. Это ты помни, как в город попадёшь. Нам, деревенским, это помнить надо. Да и неинтересно там, — принялся поучать пацана Авдей.

— А вы деревенский?

— А как же! — Авдей оживился. — Я, парень, из Якутии. Всё детство в деревне прожил, пока мамка с папкой в город не переехали.

— А вы русский?

— Я гуран. Бабушка у меня местная была. Ну вот, стало быть, я на три четверти русский, а на четверть — якут! — байкер подмигнул мальчишке.

— А жена у вас русская?

Кажется, пацан все-таки услышал ругательство.

— Имя у вас, — сказал он Кире, как бы извиняясь, — такое... Я и не слышал никогда.

Авдей усмехнулся, взглянул на Киру, которая уже успела надеть подшлемник и шлем, только глаза было видно да вздёрнутый носик.

— А пусть она сама скажет.

— Я, молодой человек, природная русачка с изрядной примесью тюркских кровей. Короче, сибирячка я! — ответила Кира. — Понял? А имя у меня православное. На вот! Просто в благодарность за хорошую компанию, — она протянула мальчишке немного денег, и тот обрадованно схватил их.

— Ух ты! Спасибо!

— Одно прошу — не покупай на них вонючие папиросы! Гадость это.

Кира уже была на мотоцикле, застегивала последние хлястики и молнии, Авдей надел шлем, взгромоздился на «Ямаху», ткнул толстым от перчатки пальцем в стартер.

— Ну пока, Лёха! — кивнул пацану. — Раста хорошим человеком, слышишь?

Мальчишка согласно закивал. Кира махнула рукой, посигналила, и они выехали на пустынное шоссе.

Авдей, который уже во второй раз успел забыть об инциденте, — он вообще плохое забывал быстро, — спохватился: а в какую сторону уехали эти наики?

«В нашу! Попутчики, стало быть! Плохо. Надо было ещё задержаться на стоянке. Хотя... может, они местные? Номера точно нашего региона. До Тайшета тут всего ничего, километров сорок-шестьдесят, не больше. Не успеем догнать».

Но они успели.

Авдей издали заметил серую машину, притулившуюся прямо посреди колдобин на разбитом гравийном участке шоссе. Парень в чёрной футболке с коловратом, открыв капот, видимо, пытался оживить колымагу. Верзила сидел в машине, выставив на дорогу ноги, и пил пиво из огромной пластиковой бутылки. Щербатый стоял на середине шоссе и высматривал машины, поглядывая то в одну, то в другую сторону.

Кира, как назло, довольно сильно отстала от мужа, и Авдей загодя стал притормаживать, поджидая жену. Кира не торопилась, и сколько он ни ждал, а все-таки пришлось поравняться с машиной. Щербатый бросился ему наперерез, нелепо размахивая руками. Авдею пришлось остановиться.

В кафе он не рассмотрел, но сейчас увидел: на месте глаз у щербатого находились две дырки, словно двустволка вдруг обрела лицо и смотрела сейчас прямо на байкера. Скорее всего, этот тип не простит и не забудет любой не то чтобы снисходительности, но даже небрежности в свой адрес. Может быть, и оказался он здесь не просто так, — наверняка выки-

нуло мутным водоворотом событий на далекий сибирский берег, а может, и того хуже — скрывается.

Авдей по роду занятий знал: многие преступники считают, что в малолюдных местах скрыться легче. Уезжают в села, в Якутию, на Камчатку, думая, что никто и никогда не найдет их там.

Зря они так думают!

Байкер остановился, вопросительно глядя на щербатого и придерживая сцепление. Краем глаза увидел: Кира совсем рядом. «Ну скорее же!..»

— Привет, братела! — лицо щербатого пыталось изобразить приветливость, но это удавалось плохо. — Тут у нас проблемка махонькая нарисовалась, помоги, а?

— Чё надо? — в тон щербатому спросил Авдей.

— Ключ на тринадцать!

— А чё случилось, с машиной что-то? — Авдей тянул время.

Щербатый оглянулся на шум «Сузуки», мгновенно узнал Киру, но виду не подал, вроде и не было ничего.

Авдей махнул жене рукой, мол, проезжай быстрее! Кира всё поняла, поддала газу, мотоцикл завилал по колдобинам.

— Да что с машиной? Ремень гэрээм проскальзывает, подтянуть надо. Проблемка-то — сущий пустяк, видишь, а ключа нет, вот в чем беда, — щербатый жадно следил глазами за мотоциклисткой.

Авдей вдруг почувствовал, словно его душат, — так велико было желание убить щербатого. Он даже удивился такой своей реакции. Опасных и неадекватных людей вокруг много, нельзя так реагировать на каждого.

Кира миновала разбитый участок дороги, выехала на асфальт и вот-вот должна была скрыться за поворотом. Авдей знал, что жена может в любой момент затормозить, бросать его в опасной ситуации не входило в её привычку, он это помнил.

— Да видишь ли, нету у меня ключика на тринадцать, — сказал он щербатому, чуть подгазывая.

— Ну как нет-то! Я ж видел, ты возле кафе мотик ремонтировал!

— Ремонтировал, — согласился Авдей. — Да только ключа такого нет у меня. Не нужен он мне.

— Врёшь! — разозлился щербатый. — А ну-ка слазь! — он угрожающе схватился за руль «Ямахи». — Шас поглядим, какие у тебя там ключи!

Авдей напрягся. Верзила перестал сосать пиво из бутылки и предпринял попытку выбраться из тесного салона машины.

— Руку убери, — тихо сказал Авдей, нащупывая землю для упора.

И тут произошло непредвиденное: из багажника машины донёсся стук. Там кто-то был!

Авдей отреагировал быстро. Упёрся ногами в землю, привстал, удерживая мотоцикл левой рукой, резко ударил щербатого. Бил так, чтобы сразу с ног долой. Щербатый упал. Авдей открутил ручку газа, и «Ямаха», словно огромный белый конь, скакнула вперед.

Сзади заматерились. Авдей знал: оружия при щербатом не было. Некуда его было прятать — майка да сползающее трико. А вот у парня с коловратом запросто мог быть пистолет! Или в машине у верзилы.

— Помоги, Господи!

Мотоцикл кидало по ямам и рытвинам, подвески ходили ходуном, Авдей на миг привстал на подножках, облегчая «Тенере» работу, но как только «Ямаха» вылетела на асфальт, сел, наклонился к баку, почти лёг на него, ожидая сзади выстрела.

Но выстрела не последовало: впереди показался огромный двухэтажный автобус «Мерседес» с новосибирскими номерами, проехал мимо мотоциклиста, затормозил, свернул на встречную, чтобы объехать ухабы, заслонил своей машиной «Ямаху»...

Авдей прощёлкал всю коробку передач с невиданной скоростью и буквально просвистел мимо жены, которая, как он и думал, ждала его за поворотом.

Кира бросилась догонять мужа.

До поворота на Тайшет долетели за десять минут. На АЗС, куда они свернули, Авдей махнул Кире рукой, мол, подожди, и побежал к охраннику:

— Есть городской телефон? Срочно!

Через десять минут к заправке подкатил полицейский УАЗ. Пока Авдей объяснялся с полицейскими, размахивая руками, Кира сидела на бордюре, подложив под зад обрезок туристического коврика, и мечтала о горячем чае, парацетамоле и какой-нибудь ядерной таблетке от боли в горле. Но под рукой были только холодная минералка и гомеопатические немецкие таблетки. За аптечкой надо было лезть далеко в навьюченные сумки. Поэтому она методично, одну за одной, жевала взятые из дома таблетки. Их в блистере было много, они были приятно-го, чуть сладковатого вкуса. Вдруг поможет?

Кира думала о том, что теперь придётся долго ждать. Всё, что касалось полиции, в её сознании было твёрдо связано с длительным ожиданием и потерей времени, причём часто бесполезной. Но на этот раз дело, кажется, касалось чьей-то жизни, это она поняла по обрывочным фразам Авдея, и поэтому Кира была готова подождать. Вот только горло болело и очень хотелось лечь.

Кира удивилась, когда Авдей и плечистый полицейский пожали друг другу руки, явно прощаясь, и муж подошёл к ней.

— Чего расселась? Мотики заправляем и дальше рвём.

Не поверила ушам:

— Дальше?!

— А ты надеешься, нас с тобой на задержание возьмут? — Авдей хохотнул.

Кира поёжилась:

— А если их не задержат? Вдруг мы их потом на трассе встретим?

— Я дал свой телефон, сержант обещал позвонить, если что, — Авдей нахмурился, глянул на часы.

Почти восемь вечера. По идее, через пару часов надо вставать на ночлег. Ну да за два часа они могут улететь отсюда километров на сто пятьдесят — сто семьдесят. Своротов с трассы, куда можно съехать, тут много. Надо обладать какой-то особой невезучестью, чтобы ещё раз встретиться с отморозками.

Невезучим Авдей себя не считал.

— Поехали!

Кира протянула мужу руку, и тот одним сильным движением поставил её на ноги.

Молодая женщина застегнула шлем, завела мотоцикл, села на него и, виртуозно развернувшись, подъехала к свободной колонке. За ней подкатил свою большую «Ямаху» Авдей.

Через десять минут они снова были на трассе. «Удивительно, как быстро остывает воздух!» — думала Кира, глядя, как острые чёрные ели колют своими верхушками бок раскалённого солнца.

И действительно, стоило им съехать в низину, как их обдало волной холода и запахом грибов, прелых листьев, болота, земли.

«Ничего необычного, — тут же одёрнула Кира себя, — начало июня, земля ещё не прогрелась как следует. Ночью будет холодно. Ну в общем-то, все как обычно. Жаль только, что я заболела. Странное дело. Никогда в дороге не болела. Ни разу за... Сколько же лет я езжу на мотике? — она быстро посчитала в уме. — Восемь лет? Нет, уже десять. Целая жизнь!»

Голова раскалывалась. Морозило. Поток холодного воздуха подныривал под стекло шлема и бил точно в нос.

Кира шмыгнула, проверила, опущено ли до конца стекло, и понеслась догонять мужа, красно-чёрная куртка которого виднелась далеко впереди.

На ночлег остановились, когда стало смеркаться. Свернули с трассы, проехали перелесок и по заросшей дороге по краю леса уехали как можно дальше от шоссе. Тут Авдей поосторожничал: ещё раз свернул от дороги — в комариные заросли молодых сосенок.

Отыскали ровное место, быстро, привычно разбили бивуак. Как только установили палатку и развернули коврики, Кира нырнула внутрь — сменить промокшую от пота футболку, да так и осталась там, наружу уже не выходила.

Авдей, отмахиваясь от надоедливой мошки, вскипятил на примусе чаю, порезал бутербродов. От еды Кира отказалась, запила быстро остывшим чаем таблетки из аптечки, залезла в спальник, затихла.

Авдей ещё долго, со вкусом, швыркал горячим чаем, шупал костяшки пальцев, смотрел на далекие огни деревни в низине, на синий от сумерек лес и слушал, как пронзительно совсем рядом кричит незнакомая ночная птица. Пахло

влажной травой, землёй и откуда-то сбоку, от леса то и дело наплывал запах смолы и хвои.

Телефон держал под рукой, то и дело поглядывал на шкалу — прием был, пусть неуверенный, всего два деления шкалы, но был. Несмотря на то что Авдей ждал звонка, он всё-таки вздрогнул, когда в тишине леса раздались резкие трели. Звонил тот самый сержант.

— Зарипов, Тайшетское РОВД, — прозвучал в телефоне знакомый голос. — Взяли мы их. Слышишь? Один только ушёл, но вроде не вооружён. Пехом ушёл в лес. Мы его возьмём, но пока будьте поосторожнее. Рецидивист. Три ходки, и статьи все нехорошие. А тебе спасибо. Они предпринимателя-армянина похитили в Черемхово. Вкололи ему дряни какой-то, везли в Канск. Короче, благодаря тебе мужик жив, щас в больничке.

— Вам спасибо, что сработали, — ответил Авдей. — И что позвонили.

— Всё, — в трубке раздались гудки.

— Взяли их! — громко сказал Авдей Кире. — Слышишь? Один в лес ускакал.

— Ага... — голос у Киры был безразличный.

Авдей аккуратно убрал все вещи под тент. В палатку полез, когда на землю из низких, наплывших из-за леса туч упали первые капли дождя.

В палатке было темно и холодно. Навстречу шевельнулась Кира.

— Авда, я замерзла.

Авдей явственно различил стук зубов.

Плохо дело!..

Расстегнул второй спальник, набросил поверх спальника Киры.

— Так сойдет?

— А ты?

— Да мне куртки достаточно. Ты ж знаешь, я не мёрзну.

Это было правдой. К холоду Авдей был привычен и не ощущал его. В минус тридцать пять без шарфа ходил.

— А то давай я тебя согрею. Хочешь?

— Хочу.

Её кожа обжигала, и на время Авдей забыл обо всём.

— Ты согрелась? — спросил он позже.

— Нет, Авда, ты холодный. Холоднее меня.

Авдей выполз из-под спальников, укутал

жену, лёг рядом, накинул на себя куртку, обнял Киру через спальники.

— Так лучше?

— Да.

Через мгновение он спал.

Кира с головой укрылась спальником, но сон не шёл. То и дело приходилось вытирать лицо от пота, иначе мёрз лоб и переносица — до ломоты.

В первый раз она вдруг подумала, что умирать или долго, тяжело болеть в присутствии мужа — нехорошо. Авдей верный и любящий, но слабости он не потерпит, он презирает любые её проявления. Сам он все болячки переносил на ногах, однажды сжёг руку до мяса расплавленным пластиком и даже не поморщился. Сам содрал моментально затвердевший пластик — вместе со сгоревшим мясом, сунул руку в бочку с холодной водой — дело было на даче, и заявил, что ему не больно. И потом ходил ещё три дня, пока рука не распухла окончательно и не стала чернеть. Только тогда Кира заставила его пойти к врачу. Ожог лечили два месяца.

Точно так же Авдей относился и к болячкам других: пустяк, пройдёт!

Однажды он бросил её на даче с температурой в тридцать девять. Поехал с коллегами навестить какого-то сослуживца-пенсионера: «Я обещал — я сделаю!» А она провела без еды и воды весь день, потому что не могла даже с кровати подняться, не то что воды принести. Ещё и света не было как назло. Авдей тогда вернулся поздно. Правда, сразу же отвёз её в больницу, а потом — в городскую квартиру. Ага, и уехал обратно на дачу, решив, что она вполне может сама о себе позаботиться: «Ну, а чем я ещё помочь-то могу?»

Кира вспомнила, как нянчил её в детстве отец. Когда она заболела гриппом, а случилось это обычно раз в году, зимой, отец усаживал её в кровати, подкладывал под спину подушку, поил кислым брусничным морсом и чаем с молоком, мерил температуру, а потом уходил за лекарствами и — обязательно! — в библиотеку и приносил много чудесных старых потрёпанных книг. Там были повести Крапивина и Фенимора Купера, Льва Кассиля

и Джека Лондона. Едва температура спадала, она принималась читать их одну за одной, и вот отца уже нет, но до сих пор остался с ней сладковатый запах тех подержанных библиотечных книг, ощущение выздоровления и того, что кто-то может о тебе позаботиться.

Где теперь все это?

Кира вдруг вспомнила сегодняшнюю встречу в кафе, и её затрясло. Она зажала рот ладонями, чтобы не разрыдаться и не разбудить мужа.

— Господи! Где теперь всё это? — беззвучно шептала она в темноте.

Снаружи вздыхал ветер, то и дело резко дёргало тент палатки, словно кто-то пытался стянуть её с места, неровно барабанили капли дождя. Рядом в темноте плаксиво ныл комар.

Буквально за три недели до самого первого посещения врача они с Авдеем ездили в Иркутск, в Знаменский собор, поклониться мощам святого Иннокентия Ключицкого. Кира молилась о том, чтобы Господь порадовал их ребёнком. Десять лет ведь живут — и никого, хоть кошку заводят!

На УЗИ шла с надеждой, а оно вон как оказалось...

Ну что ж, это тоже... ответ.

Но мучило её не это. Мучило другое: с того самого момента, как узнала о диагнозе, Кира явственно стала ощущать, что за левым плечом кто-то стоит. Кто-то... тёмный.

Неужели... смерть? Или кто-то ещё похуже?

Раньше она думала, что хуже смерти ничего нет, но теперь-то знала: есть! Есть вещи и похуже смерти.

Какой-то чёрный гений отравлял существование, сны снились тягостные, тревожные, мерещился зловещий шёпот, топот десятков чьих-то маленьких, противных лап, словно в темноте под кроватью возились жирные наглые крысы.

Когда не спалось, она прислушивалась к боли внутри себя, жалась к спящему Авдею: он был живой, горячий, сопел, всхрапывал, иногда, не просыпаясь, прижимал её к себе, и тогда становилось чуточку легче.

Наконец Кира согрелась и уснула.

Ей снился бес.

Мускулистый, коренастый, абсолютно голый, с начисто содранной кожей, кроваво-красный бес. На круглой башке красовались маленькие аккуратные рожки. Сначала она просто знала, что он где-то рядом. Гулко стучало сердце, от ужаса прерывалось дыхание, чёрная липкая тьма клубилась за спиной. Кира всё время хотела, но так и не могла взглянуть на неё. А потом она его увидела. Со спины. Он уходил прочь уверенной неторопливой походкой, словно зная, что она никуда от него не денется. Обернулся.

Кира вскрикнула и проснулась.

В висках стучало, футболка снова была мокрой от пота, даже спальник и тот, казалось, промок. Ледяной воздух проникал в него откуда-то сбоку. Кира откинула от лица плотную ткань, вдохнула обжигающий холод, закашлялась. Светлее не стало: вокруг стояла плотная, липкая тьма. С силой потёрла щеки, чтобы окончательно избавиться от кошмара.

«Морок! Это только морок...»

Торопливо нашарила фонарик, щёлкнула клавишей. Неяркий кругляш осветил стенку палатки. Вытерла платком пот со лба, но он тут же выступил снова.

Кира ещё дальше вниз столкала спальники, села, стала расстегивать кофту.

«Как холодно! Градуса три, не больше!»

— Ты чего? — со сна хрипло спросил Авдей.

— Футболку хочу сменить, мёрзну.

За свежей футболкой пришлось высунуться в тамбур палатки. В чересседельной сумке нашарила пакет с футболками, затащила внутрь, переделась.

Авдей снова спал. Кира придвинулась к мужу, набросила на него спальник, легла ему на спину щекой, прижалась ухом, сквозь ткань мотокуртки стала слушать, как ровно бьётся спокойное, сильное сердце. Она лежала так, пока снаружи не забрезжил рассвет. И только тогда повторно заснула, свернувшись калачиком под боком Авдея.

Утро выдалось пасмурное. Быстро оделись, собрали вещи, выехали на трассу. Завтракали в кафе. Авдей с тревогой посматривал на Ки-

ру. Та молчала, от еды отказалась, пила горячий кофе.

— Ну... как ты? — спросил он без особой надежды на лучшее.

— Лекарства надо, — простуженно ответила она. — В аптеку.

— Аптека только в Красноярске.

— Тогда едем до Красноярска.

— Может, в гостиницу? Вдруг хуже станет? А то, может, вернемся? — последние слова Авдей произнес неуверенно.

Не было такого ни разу.

Кира в ответ замотала головой:

— Фиг я вернусь! Давай подождём до вечера.

— Ехать-то сможешь?

— Да запросто.

В Красноярске их ждало суматошное движение. На АЗС, куда свернули заправиться, Авдей расспросил работников, где ближайшая аптека, оставил Киру на месте, сам смотался за лекарствами. В списке значились нурофен, растворимый витамин С и таблетки от ангины. Лишь бы помогло.

Кира тут же, на заправке, выпила таблетку нурофена, запила минералкой, сунула в рот ещё одну — от ангины, рассовала лекарства по карманам, поправив подшлемник, отсалютовала:

— К выезду готов!

Глаза блестели.

— У тебя аллергии от этой фигни не будет? — сурово спросил Авдей. — А то что я с тобой делать-то буду?

Однажды у Киры была аллергия на лекарства, он до сих пор вспоминал об этом с ужасом. Откачали в больнице. Неделю лежала под капельницами.

— Не, это нормально всё! — беспечно махнула рукой женщина.

— Тогда по коням, — кивнул Авдей.

К вечеру стало ясно, что болезнь просто так не отступит.

Сначала долго не могли найти место для ночёвки. Вдоль трассы тянулись глухие комариные леса, сырые тёмные ельники, болота. В одном из перелесков под деревьями Авдей не смог удержать мотоцикл, уронил, загнул рычаг сцепления, расстроился, долго ругался.

Снова вернулись на трассу, медленно покатали дальше. Вечерело. Наконец впереди появился дорожный знак «Тяжинский».

Какой-то посёлок.

Кира остановилась на обочине. Авдей пролетел дальше, развернулся, подъехал к жене.

— Может, там отель есть? Или какая турбаза? Ну вдруг? — предположила она.

Проехали до посёлка. С первого же взгляда стало ясно, что гостиницы здесь нет: с дороги виднелись чёрные от старости, замшелые избушки, живописно скрытые разросшимися кустами черёмухи и сирени. Тёмная улица с огромными старыми тополями уходила за поворот.

— М-да... Жди здесь, — скомандовал Авдей. — Сейчас всё узнаю.

Он уехал вперёд, скрылся за поворотом, но вернулся быстро. На миг остановился возле Киры, крикнул:

— Давай за мной! Гостиница дальше! — и уехал в сторону шоссе.

Кира вздохнула, закашлялась, завела мотоцикл, развернулась...

Вернулись на трассу, проехали ещё несколько километров, снова увидели такой же знак, повернули.

Наверное, раньше в здании гостиницы сидела какая-нибудь расчётная группа автотранспортного предприятия посёлка: одноэтажный дом с дощатым крашеным полом, коридор из торца в торец, несколько грязных номеров по обе стороны, крохотный кабинет администратора. В номере — провалившиеся кровати, чёрно-белый телевизор с антенной-рожками, два работающих канала. Белый пластиковый чайник, выданный администратором. Еле тёплый душ в конце коридора. Мотоциклы — на заднем дворе под охраной сторожа АТП.

Зато дёшево, можно отлежаться.

После душа, постелив свежее бельё, Кира упала на кровать. Ломило всё тело. Авдей суетился рядом. Запарил корейской лапши с перцем — от простуды, порезал колбасы, по просьбе Киры налил в гранёный стакан кипятку для растворимого витамина С — остужаться.

Он сам чувствовал себя уставшим, будто находился в дороге не второй день, а уже месяц.
«Тоже мне, путешественники!..»

Нашёл в сумках полотенце, пошёл в душ. Дверь одного из номеров была открыта. На пороге сидел командированный — голый по пояс лысый пожилой мужик в трико. Увидел Авдея, приглашающе махнул ему, кивнул на стол. На столе стояла бутылка водки, рядом — открытая банка консервов.

— Не желаешь?

Авдей отрицательно мотнул головой.

— Извини, друг, непьющий я!.. — постным тоном сказал он и прошёл мимо.

После душа вернулся в комнату. Дверь номера с изнывающим от скуки командированным уже была закрыта.

Поели, попили чаю. За окном смеркалось, Кира задремала, отвернувшись к стене. По телевизору шёл боевик со Стивеном Сигалом. Авдей смотрел на подёрнутый серо-голубой взвесью помех экран старого телевизора, но Сигала не видел. Он то и дело взглядывал на спящую Киру и думал о своём.

То, что его жена обязательно будет ездить на мотоцикле, он понял в тот самый момент, когда однажды на улице Ангарска в потоке машин увидел мотоциклистку. Сам он был за рулём старенького «Ниссана». Сначала даже не понял, что это девушка. Мало ли кто там сидит на высокой «Тэтээрке»! Может, это парень прицепил к шлему длинные дреды? Сейчас всяких чудиков хватает.

Но потом заметил, что на светофоре мотоциклист касается асфальта двумя ногами. Аккуратненько так, носочками. Да и едет как-то чересчур осторожно. Догадался посмотреть на пятую точку мотоциклиста, усмехнулся и понял, что это точно девушка. И ехал за ней через весь город, надеясь увидеть лицо.

Такого разочарования не испытывал никогда. Девушка оказалась страшненькой, толстой и коротконогой. Она остановилась у кафе на одной из центральных улиц города, сняла шлем и с независимым видом протопала внутрь. На спине красовалась серебристая эмблема какого-то клуба.

Дреды были её. Собственные.

Поэтому, в первый раз увидев Киру, знакомиться не рвался до того самого момента, пока она не сняла шлем и тёмные волосы не рассыпались по плечам. Тогда замер, всматриваясь. Глаза серые, носик чуть вздёрнутый, губы правильной, естественной формы и не накрашены. Лицо чуть скуластое, чётко очерченный подбородок. Взгляд словно удар под дых.

Ездить не умела совсем.

Авдей встал, подошёл к кровати. Дотронулся до плеча Киры, накрытого одеялом, а сверху ещё и спальником, осторожно провёл кончиками пальцев вдоль тела вниз, к бедру.

Интересно, вот он, мужик, поехал бы в такое долгое путешествие, если бы у него нашли опухоль? Он пытался себе представить это и так, и эдак, но у него не получалось. И ответа на вопрос не было.

— Авда, отстань, а? — прошептала Кира. — Чесслово, плохо мне!

— Да я ничего. Так, — Авдей вернулся на свою кровать, взял пульт, переключил канал.

Шли местные новости. Кемерово. Больше всего Авдея интересовал прогноз погоды. Дождавшись его, внимательно выслушал дикторшу, выключил телевизор, повернулся к стене, подмял подушку и тут же уснул.

Кира на какое-то время забылась, но потом очнулась от страха, как будто ей что-то угрожало. Но что? Она даже не смогла бы рассказать, чего именно боится, если бы Авдей вдруг заметил это и решил расспросить. Или не захотела бы? Быть может, в глубине души она знала, что именно её пугает?

В первое мгновение после пробуждения Кира затаилась, соображая, где находится: дома, в палатке или где-то ещё? Наконец вспомнила про гостиницу, приподнялась, нашарила у стены выключатель. Загорелось старое бра.

Авдей, посапывая, крепко спал, на часах было полтретьего ночи. Кира полотенцем вытерла пот, залепивший глаза, дотянулась до чайника, налила воды в стакан — запить таблетки, затем включила его, чтобы вскипятить. В горле кошки скребли, хотелось горячего.

Пока вода закипала, Кира с трудом стащила с себя прилипшее к телу, насквозь мокрое от пота бельё, надела свежее. Пот был какой-то необычный, липкий, густой, жирный и, главное, ледяной.

«Что за напасть?»

Пока вода закипала, сидела на кровати, закутавшись в одеяло, закрыв глаза, читала правило Серафима Саровского.

— «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...»

«Говорят, когда едешь в паломничество, — думала она, уже прихлебывая крепко заваренный сладкий чай, — бесы делают все возможное и невозможное, чтобы остановить, отвести. Вот и ко мне, видно, пристал кто-то... нехороший!»

Она закашлялась, повалилась на кровать, зарылась в одеяла.

Футболку пришлось поменять через пятнадцать минут — промокла от пота. Потом ещё раз. Потом ещё. Под утро она проснулась ещё раз — от кошмара. Гулко стучало в висках, кашель распирал изнутри, разрывал легкие. Ей приснился покойный отец, который был почему-то не похоронен, а закопан где-то внизу, в подвале их многоэтажного дома. И сама Кира спускалась зачем-то в это подземелье по крутой каменной лестнице, освещая дорогу крохотным огонёчком церковной свечи. Что ей нужно было в этом подвале? Зачем шла туда, во тьму, в которой где-то далеко и глубоко была могила близкого ей человека? Атеиста, коммуниста, который, несмотря на тяжелейшую болезнь, так и не нашёл в своей душе места для Бога?

Быть может, надеялась, что он ещё жив? Откапывается холодными руками с негнушимися белыми пальцами? Пытается сделать хотя бы ещё один, один — последний, глоток воздуха?

«Это сон, только сон!» — пыталась убедить себя Кира, слушая, как гулко, словно колокол в пустой комнате, бьётся сердце.

— Эй! Всё нормально? — над ней склонился Авдей.

Он был в одежде. Так и проспал почти всю ночь.

Вздрыгнула, сжалась от страха. Опомнилась.

— Нормально, — не узнала своего голоса. — Пить хочу.

Снова засвистел, нагреваясь, чайник.

— Чего это он? — удивился Авдей, стягивая с себя тонкое термобельё. — К непогоде, что ли? А передавали, солнце будет.

— Я возьму твою футболку? Мои все... того...

— Возьми.

Кира нашла телефон, набрала сообщение: «Помолись за меня, совсем плохо». Отправила крёстной.

— Кому пишем? — ревниво поинтересовался Авдей, заваривая чай.

— Натали.

— А-а...

Остаток ночи прошёл спокойно.

Утром Кира проснулась в одиннадцать. Авдей уже смотрел телевизор, терпеливо ждал, когда жена выспится.

Вообще, болеть в кровати — это не то, что болеть в пути, жить можно, поняла Кира, с удовольствием потягиваясь. И главное — не холодно.

— Вопрос один — сколько мы будем здесь торчать, — ответил Авдей, когда она поделилась с ним этим наблюдением.

— Всяко-разно ещё день придётся тут пробыть, — Кира собрала футболки, решив, что сходит в душ, а заодно и простирнёт их.

Подошёл Авдей, обнял, поцеловал в плечо. Кира попыталась вырваться, но Авдей удержал жену.

— Смотри, у тебя крестик назад завернулся, давай поправлю.

Он осторожно поддел тонкую серебряную цепочку, потянул, стараясь аккуратно вытащить крестик из-за ворота футболки. Не тут-то было.

— Отстань, Авда, мне больно! — недовольно сказала Кира, дёрнула плечом, сама пальцами оттянула вперед цепочку, тут же ойкнула. — Что там? — она нетерпеливо выгнулась, заглядывая себе за плечо.

— Да тут что-то... — обескураженно начал Авдей, но она его перебила:

— Да он прилип, ой, нет, смотри! — она сильнее дёрнула за цепочку и оторвала крестик от кожи на плече. Под крестиком оказался отчетливый красный след.

— Ожог? Это что, ожог, Авда? — испуганно спросила Кира.

Отметина горела.

Авдей пристально рассматривал отпечаток.

— Если бы я не знал, что... — Авдей поднял изумлённые глаза на жену, — то я б мог поклестаться, что это ожог. Ну, Кирюш, и взялись же за тебя всякие... сущности! Но ведь это ничего, наверное, да?

— Не знаю, — Кира пожала плечами. — Ладно, я в душ!

После завтрака, состоящего из колбасы, корейской лапши и двух апельсинов, Авдей собирался в магазин за продуктами.

— Знаешь что? А спроси администраторшу, вдруг тут какая церковка есть? — попросила вдруг Кира. Её снова клонило в сон. — Съезди, закажи мне сорокоуст о здравии. И вот ещё — закажи папе сорокоуст об упокоении.

— Главное, не перепутать, — мрачно пошутил Авдей, но тут же прикусил язык.

Шутка была неуместная. Кира постучала пальцем по лбу.

— Папа мне сегодня снился. Нехорошо снился. Язычники думают, что умершие снятся к чему-то, а у крёстной моей есть присказка: покойный снится — помину просит. Значит, надо пойти в храм и помолиться о нём, хоть свечку поставить. Хуже точно не будет.

Авдей почувствовал, как по спине прошёл холодок.

— Сделаю. Пиши список, чего купить надо.

А на улице светило солнце, гнулась на ветру черёмуха у крыльца, и Авдей пожалел, что Кира заболела, они вынуждены тратить деньги впустую, отсиживаться в какой-то глуши. Сейчас бы самое то — гнать вперёд по трассе!

От работницы гостиницы Авдей узнал, что ближайшая церковь находится в соседнем селе в пятнадцати километрах. Решил, что сначала съездит туда — продукты подождут.

Тщательно осмотрел мотоцикл, завёл, выехал со стоянки и свернул направо — на выезд из Тяжинского. Возле трассы заметил фирменную АЗС, заехал, залил бак под горлышко, выкатился на шоссе и неторопливо поехал дальше.

Дорога манила, звала, шоссе словно само собой бежало под колеса, сверкала на солнце берёзовая листва, блестели лаком и хромом проносившиеся мимо автомобили, дышалось легко и

свободно и не хотелось думать о плохом. Мотоцикл словно сам собой всё добавлял и добавлял скорость, но вдруг впереди Авдей заметил нечто, что заставило его сбросить газ. На обочине стоял огромный чёрный внедорожник, рядом стояла девушка, а поперёк шоссе шевелилась, извивалась, словно живая, непонятная лента.

И только подъехав поближе, Авдей понял, что это цепочка перебегающих дорогу ручных хорьков. Их длинные тела на бегу то сокращались, то вытягивались, казалось, что каждый зверёк держит в зубах хвост бегущего впереди, и вся эта длинная меховая горжетка шевелилась, словно кто-то тянул за один конец.

Авдей проехал мимо машины в тот момент, когда хвост последнего зверька скрылся в траве на обочине.

Рассмеялся, довольный неожиданной встречей, и к селу подъехал в приподнятом настроении.

Церковь увидел сразу, издалека. Белые стены, крытый оцинкованным железом низкий купол, деревянная, почерневшая от дождей колокольня с провалами окон. Свернул с дороги в посёлок, проехал по центральной улице, наугад повернул в проулок, надеясь выехать к храму, и через минуту уже спешивался у высокого каменного крыльца. Повесил на локоть шлем, перекрестился, поднялся по широким ступеням.

Дверь была высокой, старой, на много раз выкрашенной синей краской и необыкновенно тяжёлой. За ней была другая такая же.

Байкер оказался в прохладном, гулком, почти совсем чёрном пространстве. Где-то впереди, как будто в недостижимом далеке, горели свечи. Под ногами поскрипывал дощатый пол. Авдей тихонько прошёл вперёд, стараясь не греметь мотоботами, весь превратившись в слух. Где-то далеко молились.

От притвора придел храма отделяли ещё одни массивные двери тёмного дерева. Одна створка была открыта. Авдей, неожиданно оробев, осторожно заглянул внутрь и увидел залитое светом лазоревое пространство со сводчатыми потолками и узорчатыми стенами. Справа находилась церковная лавка, тоже

выкрашенная синим, впереди — расписной иконостас. Иконостас был новым, и, видимо, его писал какой-то не очень умелый художник-самоучка. Покрытые лаком новенькие иконы блестели. Румяные архангелы Михаил и Гавриил с белыми крыльями, с буйными есенинскими кудрями, в ярких русских рубахах, подпоясанных красными кушаками, напоминали деревенских молодцев с ярмарки. Христос был одет в розовое с зелёным, Богородица протягивала входящим белоснежный рушник.

А над всем этим на облачке являлся Бог Творец с младенцем Христом и херувимами и благословлял каждого, кто входил в храм.

Было во всей этой наивности, в тщательной чистоте, в сказочных русских узорах на стенах, в этой бедности, почти нищете, что-то такое, от чего у Авдея вдруг защемило сердце и сжало горло, и даже слёзы были готовы выступить.

Пол был крашен коричневым, к праздничной иконе вела тёмно-красная ковровая дорожка, за лавкой виднелась простая деревянная стойка с тоненькими дешёвыми книжками.

У большой иконы святителя Николая на коленях стояла старушка в белом платочке, молилась. Услышав осторожные шаги Авдея, оглянулась, стала подниматься.

Авдей опомнился, стыдясь своей забывчивости, торопливо перекрестился, шагнул в сторону лавки. Старушка зашла с другой стороны, так что между ней и рослым байкером оказался широкий стол, подняла глаза и неожиданно хорошо, по-доброму улыбнулась Авдею. Лицо расплылось в материнских морщинках.

— Здравствуйте! — Авдей кашлянул, хотел было приступить сразу к делу, но не выдержал, сказал то, что чувствовал: — Какой у вас храм! Хороший какой!.. — он глубоко вздохнул, сдерживая чувства.

— Здравствуйте, батенька, ваша правда, — с достоинством ответила церковница, — храм у нас замечательный! Я вот тут стою двадцать лет. Как его восстанавливать стали, так и пришла сюда. И за двадцать лет — верите? — ни разу не болела! Вот какую силу Господь здесь являет! Зимой в холод стою, печь не спасает, когда она такое помещение-то протопит? А вот ни разу не болела.

— Храм старый, да? — Авда где-то слышал, что храмы с такими плоскими куполами строились давно.

— Храм, батенька, 1812 года. В честь победы строили. При большевиках разрушили его, одни стены остались, а двадцать лет назад восстановили. Ну как восстановили? Кого тут, в девяностых?.. Денег нет, колхоз развален, посёлок без работы, на что восстанавливать? Что сами могли, то и делали. И иконостас расписывали наши, местные художники, и ремонт сами делали, всё сами. Вы не обессудьте, если что не по канонам, от чистого сердца сделано. У нас и второй придел есть, святого Николая-угодника. Слышите стук? Это отец Владимир стучит, ремонтирует.

Авдей изумился. Привык уже к золочёным иконостасам, к иконам в дорогих окладах. Тут было другое. Своё, святое, выстраданное. Оберегаемое.

Слева из-за стены действительно доносился стук молотка.

— Матушка, а может, у вас тут чудотворные иконы есть?

Старушка огорчённо поджала губы.

— Чего нет, того нет. Когда храм стали восстанавливать, старушки наши и молодёжь понесли сюда старые иконы, ну знаете, у кого что осталось! В некоторых семьях старики умерли, а образа остались. А потом почти все передумали да и забрали их опять по домам. Так что у нас все иконы новые.

— Надо же! — опять удивился Авдей. — Своя рубашка, стало быть, ближе к телу оказалась?

— Стало быть, так! — старушка развела руками.

— Мне бы, матушка, за здоровье сорокоуст заказать, в дороге мы, жена разболелась, — попросил Авдей. — И сорокоуст за упокой, ну и так записочку подать.

— Записочку пишете сами, вот бумага, вот ручка, — старушка подвинула к байкеру деревянный ящичек с листками бумаги, дала простую шариковую ручку, водрузила на нос очки и открыла огромную амбарную книгу.

— Так. Сорокоуст о здравии. Имя?

— Кира, а за упокой — Александр, — Авдей взял листок бумаги, начал писать имена: родителей, бабушки, брата, племянников.

Накупил свечей, поставил перед всеми ико-

нами подряд, помолился перед ликами Богородицы и Николая-угодника, помедлил немного, подумал. Вернулся к лавке, полез в карман, отсчитал несколько крупных купюр, сунул в щель ящика с надписью «На ремонт храма».

Старушка увидела деньги, спохватилась.

— Спаси Господи! А как вас зовут? Отец Владимир просит имена записывать тех, кто жертвует.

— Авдей.

— Стало быть, Авдей и Кира? Какие красивые у вас с женой имена!

— Да, Авдей и Кира, — байкер кивнул, попрощался с церковницей, перекрестился ещё раз и вышел.

Прочитал табличку. Храм был назван в честь Покрова Богородицы.

На выезде из посёлка Авдей увидел магазин, спохватился, накупил продуктов.

Обратная дорога показалась намного короче.

В номере с задёрнутыми шторами было сумеречно. Пахло старой мебелью и пылью. Дремавшая Кира вскинулась навстречу.

Авдей наклонился к ней, поцеловал.

— Ну как ты?

Кира покашляла, прислушалась к себе.

— Знаешь, вроде бы получше.

— Ага! Значит, завтра едем? Я оплатил номер до завтра.

— Едем.

— Давай вставай, я продуктов купил, есть хочу, — Авдей сбросил куртку, отдернул шторы, впуская в номер яркий солнечный свет, стал доставать снедь из рюкзака.

Пока ели, Авдей рассказал о поездке в храм и о разговоре со старушкой. Он всё ещё находился под впечатлением от лазоревых сводчатых потолков и необыкновенного иконостаса.

— Представляешь, где-то ракету «Ангара» запускают, космодромы строят, натовцы танки к нашей границе двигают, рядом по трассе поток машин идёт — кто в отпуск прёт, кто груз везёт на миллионы рублей, — разговорился Авдей, — а тут рядом, четыреста метров от дороги, двадцать лет подряд в старый храм с дощатыми полами и крышей из оцинковки приходит старушка. Зимой — в лютый мороз, весной — по грязи, летом — в жару по пыли. Идёт и молит-

ся. Каждый день. Ну и священник, конечно. И никто из них ничего больше себе не просит и не думает о большем. Двадцать лет. Живут и живут, веруют, убираются в храме, ремонтируют его как могут. Молятся. И так из года в год. Удивительно. А ведь так и должно быть. Забыли мы об этом, всё нас несёт куда-то вдаль...

— Ты бы хоть имя у старушки спросил, — сказала Кира, взглянув на мужа влюблёнными глазами. Ей нравилось, когда он становился таким разговорчивым. — Я бы за неё помолилась.

— Не догадался, — сокрушённо вздохнул Авдей в ответ.

Остаток дня прошёл незаметно и как-то очень быстро. Кира большую часть времени спала, просыпалась, принимала таблетки, пила морс, который купил Авдей, и снова засыпала. Сам Авдей смотрел телевизор, ел, нетерпеливо посматривал в окно.

Его звала дорога.

К вечеру у Киры поднялась температура. В очередную порцию лекарств она добавила обезболивающее.

— Это обязательно? — спросил муж.

— Это же не наркотик, обычный кетанов, — ответила Кира. — От него только язва может случиться.

— Да я не про это. Болит?

Кира кивнула, выпила таблетки, завернулась в одеяло и спальник, устроилась поудобнее. За окном темнело, накрапывал дождик.

— Знаешь, когда я училась в школе, читала всё подряд, что было в доме. Даже Карла Маркса. Была у нас одна странная книжка. Советская. Бывший следователь написал. Детективы. Но не простые, а связанные с мистикой. Ну знаешь же, в советское время про Бога вспоминать нельзя было, а вот про чёрта — запросто. Всё там какие-то духи у него бродили и привидения. Так вот, была там одна история о старике, который повесился у себя в квартире. И следователь нашёл его дневник, где старик размышлял по поводу разных философских вопросов. И был там такой вопрос: зачем человеку боль при онкологии или при других смертельных недугах? Ведь такая боль не может быть предусмотрена эволюцией. Убежать от неё нельзя, избавиться тоже. Вот

ожог почувствовал, руку отдернул, тебя укусили, а ты убежал. Всё понятно. А тут отдёргивать нечего и не убежишь никуда. Зачем такая боль дана человеку? И не смог ответить на этот вопрос одинокий советский старик, да и сам автор не смел подвести читателя к нужному, — Кира замолкла.

— Ну так зачем боль-то? — не выдержал Авдей.

— Для совершенства души и покаяния, — глухо ответила Кира. — Короче, грешница я! — она коротко вздохнула и отвернулась к стене.

Авдей прислушался. Вроде не плачет. И то хорошо. Выключил телевизор, вытянулся на кровати и сразу провалился в сладкую дрему, ощущая, что на сегодня всю свою программу выполнил.

Кира не спала, прислушивалась к грызущей боли в боку, думала. О том, что раньше, когда была непонятно кем: то ли язычницей, то ли атеисткой, что в сущности одно и то же, — часто завидовала православным. Ей казалось, они знают что-то такое, что делает их счастливее. Им доступен какой-то иной высший смысл бытия, всё понятно и просто в их жизни. Теперь она понимала, что это было иллюзией.

Теперь она тоже знала смысл жизни, но смысл этот был настолько далёк от обычного существования, что многое в ней противилось ему. Смысл находился там, за порогом жизни, вне её, и уж совершенно точно вне той жизни, которую она вела до этого: работа в газете, заработок в Интернете, путешествия, гараж, снова работа. Теперь ей, наоборот, казалось, что она была счастливее раньше, когда не верила. Там всё было просто и понятно. Живёшь — в радость. Умираешь — навсегда. Ничего нет до и ничего нет после. Правда, не очень-то было понятно, для чего тогда вообще нужна жизнь, зачем существуют понятия добра и зла, и мораль — тоже непонятно для чего. И смысла нет...

Теперь вот есть смысл, но в этом смысле присутствует ад. И скрежет зубовой тоже. А это очень, очень страшно, потому что впереди — не 30-40 лет жизни, а вечность. Она не помнила, когда вдруг в ней поселился этот страх, откуда он пришёл, с чем связан. Просто однажды проснулась среди ночи от ужаса, онемев, оцепенев, не смея шевельнуть даже паль-

цем, не умея вздохнуть. А потом это повторилось снова. И снова.

Сны снились омерзительные. И чем чаще ходила в храм, тем хуже становилось.

Ей казалось, что Авдей, такой здоровый, спокойный, всегда себе на уме, всегда довольный жизнью, отдаляется от неё. Что все проблемы и раздумья, мучившие её, ему безразличны. Да так оно и было, наверное. Он жил какой-то своей здоровой, очень приземлённой жизнью.

В церковь ходил редко, только по её настоянию: на Пасху и Рождество. Всё. И, кажется, не испытывал ни малейшей потребности. Хотя лет шесть тому назад, когда она решила зайти «для интереса, ну и, может быть, покреститься» в костёл, остановил и показал большой кулак.

— Получишь у меня! Поняла?

— Почему? — удивилась тогда Кира.

— По кочану! — рявкнул Авдей. — Русские мы! А русский, значит, православный!

И ведь прав был, не поспоришь!

Чем больше читала и узнавала о богословии, тем чаще и чаще с ужасом приходила к мысли, что богосозданный мир можно сравнить с виртуальным. Тот тоже создан творцом, пусть и обычным программистом, и тоже для создателя не реальность, эрзац, в котором можно убивать, и убивать сколько угодно раз, и ничего тебе за это не будет. «Стрелялки» Кира ненавидела за кровь и смерть. Играть не могла. До тошноты. До отвращения.

И всё чаще чувствовала себя таким вот героем виртуальной игры. Сидит там наверху Сущий и Всемогущий, смотрит сверху на всех и распоряжается людьми как хочет или, как говорят проповедники, «попускает» всяческие несчастья и горести. И наблюдает, как корчишься. И ничего ты не можешь с этим сделать, нельзя спрыгнуть с этого поезда и даже ручку стоп-крана рвануть нельзя, потому что грех, потому что будет тогда ещё хуже, только теперь уже навсегда, навечно.

И даже отказ от всех грехов и ежедневная молитва не гарантируют тебе здоровья и хоть какой-то самой обыкновенной жизни! Даже святые, кого ни возьми, все страдали и искушались. Серафим Саровский от нестерпимых

более в спине спал на коленях, Ксения Петербургская ходила обмороженная и спала в снегу, а уж скольких поубивали самыми страшными, невиданными казнями, о которых и думать-то невыносимо!

Вспомнила она прочитанную где-то в Интернете историю святого мученика Вукашина из Сербии, которого в войну убил в концлагере усташский палач. К моменту, когда палач подошел к святому, он убил уже больше ста человек и, опьянённый кровью, не чувствовал под ногами земли — буквально летел над нею. И споткнулся о ясный взгляд и тихий твёрдый голос, сказавший ему: «Дитя, делай своё дело». И разъярился палач и долго резал, а потом и рубил на куски святого, который до самого конца мужественно сносил мучения. А после не смог убить больше ни одного человека.

Кровь леденела, когда представляла она реки крови, в которых многие века топили и топили христианских мучеников. Не давало ей покоя и то, как однажды она, быть может, против своей воли, отчётливо представила миллионы и миллионы людей, сходящих в ад. Нескончаемый серый молчаливый людской поток! Всё восставало в ней против этого. Всё!

Но было в этом мученическом «Дитя, делай своё дело!» нечто такое, от чего понимала она всем своим существом, всей душой, что стоит на правильной дороге, просто дорога эта ведёт вперёд, в нужном направлении неведомыми и трудными путями. От сомнения к сомнению, от книги — к другой, более нужной книге, от путешествий и праздности — к осознанию своего места в этом мире, к борьбе с собой, со своими привязанностями, со своими страстями. Но ведь мотоцикл — это тоже своего рода страсть? Недаром многие женщины так сурово расплачиваются за него. Здоровьем, отрезанными после аварий ногами и руками, потерями, разлуками. Или вот любовь к цветам? Тоже ведь страсть? Или нет? Как не вспомнить тут садовника, о котором писал Экзюпери и который на пороге смерти беспокоился, что некому будет ухаживать за его садом и поливать цветы? Или вот даже любовь к Авдею? Ведь человека нельзя любить больше, чем Бога?

Наконец измученная своими мыслями Кира заснула.

Утро выдалось превосходное! Температура у Киры спала.

Лёгкий ветерок гнал по небу облака, то и дело брызгало дождиком, но всё это было не всерьёз, ненадолго. Тучки вдруг куда-то исчезали, таяли, снова показывалось солнышко, пригревало через куртку, заставляло щуриться.

До Кемерово долетели. Проехали по краю города, вырулили на объездную, пронеслись по ней, ненадолго спрятались от ливня под крышей автобусной остановки. Смотрели, как скачут тяжёлые дробины дождя в прозрачных потоках воды, хлещущей по асфальту.

— Давай у Верочки в Новосибирске остановимся! — предложила Кира.

Верочкой звали знаменитую на весь город мотоциклистку. Они познакомились с ней шесть лет назад, когда Верочка с друзьями приезжала на мотослёт на Байкал. За это время она успела выйти замуж и родить двух сыновей. Кире было страсть как интересно взглянуть на мужчину, отважившегося жениться на такой девушке. Верочка была хороша собой, умна, жизнерадостна и на зависть мужчинам знала толк в двигателях внутреннего сгорания и в тюнинге мотоциклов. В общем, клад, а не жена. Один недостаток — остра на язычок и иронична без меры.

— Да им, наверное, не до нас сейчас, — предположил Авдей, но тут же разрешил: — Ну позвони, позвони.

Через пять минут стало ясно, что ночлегом они обеспечены.

Кира снова увидела тень сомнения на лице Авдея, усмехнулась:

— А вот ни фига подобного! — ответила она на молчаливый вопрос. — Мне сейчас ночёвка в палатке противопоказана!

Вечером на въезде в Новосибирск после поста ГИБДД Киру и Авдея встретил Верочкин муж — долговязый и лохматый детина лет тридцати верхом на большом хромированном чоппере. Провёл по городу.

Квартира Верочки располагалась почти в центре города. Мотоциклы оставили в большом гараже неподалёку, с собой взяли только

самое необходимое. Сколько в доме было комнат, Кира так и не смогла сосчитать. Четыре? Пять? Больше? Это было сумеречное просторное жильё с высокими потолками, с крашеными дверями и запахом паркетной мастики. В тёмном коридоре, по которому то и дело топали босыми ножками Верочкины отпрыски, у шведской стенки стоял мотоцикл, на полу на ветоши лежали детали, за дверью кладовки притулилась новая резина. Просторный балкон выходил на затенённый высокими старыми тополями тихий переулочек.

Через полчаса женщины на маленькой светлой кухне чистили картошку и лук, резали кусочками свинину. В окно били лучи заходящего солнца.

Мужчины ушли за спиртным.

Сама Верочка, похудевшая и от этого ещё больше похорошевшая, быстро, взхлёб рассказывала о своей новой жизни.

— Всё не так, как я себе представляла! Всё! В моём жизненном плане был муж-блондин и дочка-крохотулечка, и не было в этом плане ни тупого Серёги с его закидонами, ни двух пацанов! — Верочка сдувала падающие на лоб рыжие пряди волос, то и дело шмыгала носом — резала лук. — Серёга был отличным другом и по мотоциклам шарил — будь здоров! Надо было его и оставить в друзьях, но кто же знал, что всё так обернётся? Ревнует зараза и руки распускает! На детей денег не даёт, я уж не говорю про хозяйство. Знаешь, кем работаю? Сестрой-хозяйкой в поликлинике! Получаю двенадцать тысяч! Как хочешь, так и крутись, — Верочка запрокинула бутылку с пивом и сделала несколько длинных глотков.

— Ты же вроде бы кандидатскую защитила по философии? Преподавала в институте? — Кира разделялась с мясом.

— Сократили. Остались часы два раза в неделю. Я с работы отпрашиваюсь и хожу. Перспектив никаких! Хотя что я жалуясь? По-моему, я попала на своё место! Там и выпить, и матом выругаться можно — поймут. Не то что в институте. В общем, — Верочка невесело хохотнула, — можно сказать, очутилась в родственном мне окружении! Деньги бы ещё платили... Оглоеды мои жрать хотят и едят-то

всё такое да эдакое вроде «Даниссимо» или «Активии». Что по телеку крутят, то и требуют! Попробуй их манной кашей накорми! Ага! Щас! Ну и в садик надо то одно, то другое.

Словно в подтверждение слов Верочки на кухне появился старшенький, черноволосый, смуглый, как Маугли, мальчик, требовательно подёргал маму за полу клетчатой рубахи и повелительным жестом указал на холодильник.

Требуемый творожок был тут же выдан, и дитё, вооружённое ложкой, удалилось с кухни.

— Может, ты их избаловала? — осторожно предположила Кира.

— А попробуй его не избалу! Чуть что — сразу головой о стену биться начинает. Не знаю, что с ним делать, сладу нет. Второй тоже растёт электровеником: то телевизор на себя стащит, то полки с книгами на себя опрокинет, не успеваем смотреть за ним. Но главное — жив-здоров каждый раз. Ну какие тут могут быть мотоциклы? Я уже о слётах или о поездках и не говорю, — за разговором Верочка поставила на газовую плиту огромную чугунную сковороду, зажгла газ, налила масла, когда оно нагрелось, вывалила в сковороду порезанную свинину и лук.

В сковородке зашкворчало, по кухне разошёлся аппетитный луковый дух. Кира принялась резать картошку.

— Не поверишь, так и подмывает смяться отсюда хоть куда. Куда глаза глядят! Всё бросить и уехать. Даже детей. Не могу! Зимой с депрессией в психушке отлежала, представляешь? И теперь вот думаю, зачем мне всё это? Да ты чего не пьёшь? Пей!

— Не, не буду, — отказалась Кира, — простыла я, а нам ещё пилить и пилить.

— А вы молодцы, в такую даль поехали! Нам оглоедов девать некуда. Мама моя отказалась с ними сидеть, вообще нас бросила, живёт на даче. Серёгина — далеко, на севере. А я сейчас как вспомню, как мы на Байкал тогда ездили, так жить хочется. Так здорово было! Помнишь? Мотоцикл у меня тогда был простенький такой, а жизнь была интереснее. Когда обратно ехали, мне всё хотелось кому-то там, наверху, спасибо сказать за такую поездку!

— Кому сказать? Богу? — спросила Кира, отнимая у погрузившейся в воспоминания Верочки ложку и перемешивая свинину.

— Богу? Не знаю, — Верочка снова приложилась к бутылке, прикончив её, поставила на пол у раковины.

— Тебе бы креститься да мальчишек твоих покрестить. Глядишь, поспокойнее бы стали, — Кира смотрела, как Верочка достаёт из холодильника и открывает следующую бутылку крепкого пива.

— Не знаю я... — невнятно сказала Верочка после нескольких глотков пива, вытерла кулачком пену с губ. — Крещение это... Серёга ведь алтарником раньше служил в какой-то церкви. Он мне все мозги этим Богом вынес. Потом, правда, разругался с попами да и ушёл. Он же алкоголик конченный. Видать, они учить его начали, как жить... А может, что другое было, не знаю, врать не буду. Так что я не верю. Ни в церковь в эту вашу, ни в Бога. Но что-то, конечно, есть. Ведь если есть желание кому-то сказать спасибо, значит, этот кто-то сто процентов существует, хотя бы и в моей субъективной реальности. Да и с объективной точки зрения должен же кто-то был устроить этот самый «большой взрыв».

— Ясно, — Кира решила больше на эту тему не разговаривать, выложила в сковородку картошку, перемешала. — Найди-ка лучше крышку. И соли! Мы забыли про соль!

Оживлённой вечеринки не получилось. Когда мужчины вернулись, свинина с картошкой уже была готова, и восхитительные ароматы жареного мяса и огуречного салата, приправленного укропом и луком, витали по квартире. Но Киру вдруг замутило. От еды она отказалась, пила чай с лимоном, в разговоре почти не участвовала.

Да и разговор, видимо из-за напряжённых отношений между Верочкой и длинноволосым, грубоватым Серёгой, не клеился, то и дело прерываясь.

Верочка налегала сначала на пиво, а затем — на жуткого цвета черничное вино из коробки, и язык её вскоре стал заплетаться. Сергей не отставал, просто был покрепче, и опьянение его не было так заметно.

За окном темнело. Кира, сославшись на недомогание, ушла спать. Авдей задержался на кухне ненадолго. Минут через тридцать он заглянул в комнату, взял полотенце и ушёл в душ. Вернулся, тихонько лёг рядом.

— Спишь?..

— Нет.

— Что-то мне кажется, у них не ладится.

— Надо полагать. Она сказала, он её бьёт. Ревнует. А ещё, мне кажется, он её специально спаивает. Он алкоголик.

Авдей тихонько присвистнул:

— Ни фиги се! То-то я смотрю, они и не разговаривают друг с другом почти.

— Надо же, — пожалела Верочку Кира. — Раньше она была такая... Такая! Легенда, а не девушка. Мечта поэта! Красивая и сильная. И вся устремлённая куда-то в синие дали... Я думала, она непременно найдёт себе такого парня, чтоб прямо кремень был! А сейчас...

— А сейчас она похожа на худую гиену, — перебил её Авдей.

— Нельзя так говорить о людях, которые тебя приютили, — укорила его Кира.

— Нельзя, — согласился Авдей. — Но это правда, она изменилась очень, и не в лучшую сторону. Давай спать, завтра вставать рано.

Авдей встал по привычке в шесть тридцать, почистил зубы, принял душ, вышел на кухню, — никого. Видимо, хозяева, утомившись вчерашним обильным ужином, спали. За спиной раздалися шаги, и байкер обернулся.

В коридоре появилась растрёпанная Верочка. Улыбнулась.

Авдей сразу понял, что спать хозяйка не ложилась. А может, и ложилась — ненадолго. В руке Верочка снова держала стакан с сизым вином. Отпила из него, облизнула губы.

— Доброе утро!

Авдей вежливо поздоровался.

— А я тут! — Верочка махнула левой рукой, между пальцев виднелась незажжённая сигарета. — Короче, догоняюсь!

— Ты в курсе, что у тебя проблемы с алкоголем? — напрямую спросил Авдей.

— Конечно, — согласно кивнула головой женщина. — Женский алкоголизм неизлечим. Я забыла, ты куришь?

— Нет, — Авдей покачал головой. — Я бросил. Пойду разбужу Киру.

Авдей аккуратно протиснулся мимо Верочки, прошёл в комнату.

Собрались быстро.

Когда Кира уже надевала куртку, Авдей снова прошёлся по квартире — искал хозяйку.

Нашёл на балконе. Верочка сидела в кресле, курила, шурилась на яркий солнечный свет и отхлёбывала из стакана. Сейчас было особенно хорошо видно, что она пьяна. Лицо пошло красными пятнами — из-за вина.

— Нам бы мотики из гаража забрать, — напомнил о насущном Авдей.

— Не проблема! — Верочка наклонилась, взяла стоящий у ноги винный пакет, долила резко пахнувшей бурды в стакан. — Серёга сейчас в гараже. Вы уже пошли? Ну счастливой дороги!

На балконе появились оба Верочкиных отпрыска. Старший всё так же требовательно подёргал мать за полу той же рубашки, молча указал на стакан с вином в руке Верочки. Младший, более светленький мальчонка, молчал, с любопытством дикаря разглядывая Авдея.

— Что, Андрейка, хочешь попробовать? — спросила мать старшего, указывая на стакан.

Пацан замотал головой и ткнул пальцем в сигарету.

— Тебе покурить надо? — удивилась Верочка. — Это некусно, — объяснила она, но протянула окурочек ребёнку.

Мальчишка потянулся губами к сигарете.

Оторопевший Авдей отшатнулся, покачал головой, круто повернулся и вышел.

На пороге балкона не выдержал, обернулся:

— Сдурела ты, женщина!

Верочка даже не повернулась в его сторону. Шурилась на солнце, глядя прямо перед собой. Возле лица вился сигаретный дым.

— А ведь когда-то она была для меня почти кумиром! — сказала Кира, когда на остановке далеко за городом Авдей рассказал ей о произошедшем на балконе. — Вот уж точно: не сотвори себе кумира! Я даже и подумать не могла, что так может обернуться.

— И я не понимаю, — пожал плечами Авдей. — Умная же баба! Философию изучала, психологию...

— Я, кажется, знаю, что к чему. Она была начитанной и умной, но... неопытной в личной жизни. По-житейски неопытной. Вот и получилось так, как получилось, а с мамой, видимо, от-

ношения такие, что... не посоветуешься. Грустно, когда нет опоры в жизни. Да ты ещё с этим пивом... Мы купили, другие купили, вот и...

— Ну я ж не знал, что тут такое дело! — оправдывался Авдей.

— А ещё знаешь что? Адренилиновая зависимость, вот что. Стремление всегда и везде получать удовольствие. Хоть от мотика, хоть от вина.

— Ладно, разумничалась, — оборвал жену Авдей. — Погнали дальше!

И они погнали.

Следующие пятьсот километров их действительно ждала гонка. Да какая! Дорога не отличалась разнообразием: поворот направо, поворот налево, затем прямо, слева берёзовая рошица, затем всё вперед и вперед, а потом — заново: поворот направо, поворот налево, справа берёзовая рошица...

Трасса была узкой, навстречу в лобовую то и дело выходили на обгон тяжёлые фуры. Водители плевать хотели на мотоциклы и мотоциклистов, и байкерам приходилось уворачиваться, прижиматься к краю трассы, а то и уходить на обочину.

После обеда солнце стало слепить глаза, а встречный ветер словно пытался оторвать каждому из них голову. Шлем задирало назад и вверх, приходилось всё время быть в напряжении, наклоняться вперёд.

Кира не отставала от мужа, упорно держалась за спиной, выжимала из «Сузуки» максимум, но к вечеру она выдохлась. Не столько от гонки, сколько от солнца, бьющего в глаза и постоянного сопротивления ветру. Ныла шея, болела голова, болел лоб — от яркого света слезились глаза. Хотелось закрыть их и больше уже не открывать. Хотя бы до наступления темноты.

Солнце, клонившееся к горизонту, припекало через куртку. От раскалённого двигателя обдавало жаром, как от печки.

«А ведь и завтра будет то же самое! — вдруг подумалось ей. — И послезавтра! И послепослезавтра. Солнце — в глаза. Ветер — в челюсть. А грузовики — в лоб. Ехали целый день, а вспомнить нечего».

Авдей чувствовал то же самое. Весь день его преследовало ощущение, что мотоцикл стоит

на одном месте, а одна и та же берёзовая рощица убегает назад то с правой стороны дороги, то с левой. Немного оживляли пейзаж болотца вдоль трассы, незнакомые птицы, появляющиеся на обочине. Раздражала почти постоянная жёлтая полоса по краю шоссе — она запрещала съезжать на обочину. Остановившись не хотелось, но ещё больше не хотелось пилить вот так бессмысленно по трассе — без всякого удовольствия, как будто по принуждению.

Остановились отдохнуть в тени на противоположной стороне дороги — здесь было легче поставить мотоцикл на подножку, поделились своими мыслями, посмотрели друг другу в глаза.

— Чудно это всё, — сформулировал Авдей. — Едем-едем, а вроде и не в радость. О, смотри — мотоциклист!

Со стороны Новосибирска к ним действительно приближался мотоциклист. Да какой мотоциклист — натуральный, самый что ни на есть ортодоксальный байкер! Руль выше головы, мотоцикл — весь в хrome, а сам — без шлема, в коже, в бахромe. Длинные волосы развевались на ветру. С сочным звуком двигателя «топ-топ-топ» он пролетел мимо путников, затем притормозил, развернулся, подъехал.

Кира с интересом наблюдала за ним.

Остановился возле Авдея, глянул на номера мотоциклов.

— О! Да вы наши! — разочарованно протянул он. — Я-то думал — иностранцы.

И, не промолвив больше ни слова, поддал газу, ещё раз развернулся как ни в чём не бывало, умчался в сторону Омска.

Кира прыснула, Авдей не сдержал улыбки, почесал затылок.

— Ну, видимо, русские под Омском уже не котируются! — усмехнулся он. — Немцев, что ли, ждут?

К вечеру стала собираться гроза. Тяжёлые свинцово-серые тучи быстро заволокли всё небо, в отдалении гроыхало, дорога погрузилась в сумерки, притихла.

Ждать, когда ливанёт, не стали, свернули за одну из берёзовых рощиц, раскинули палатку, скидали внутрь вещички, нырнули туда же са-

ми. До дождя Авдей ещё успел вскипятить воды: запарил лапши, заварил чаю.

Кира устало растянулась на самонадуваемомся коврикe, закапала глаза каплями, сквозь ресницы через москитную сетку наблюдала, как хлопочет у примуса Авдей, отмахивается от редких комаров. Успели поужинать и устроиться на ночлег, и только тогда налетела гроза.

Слушая, как мощные раскаты грома сотрясают воздух и землю, как дёргается от порывов ветра тонкий тент палатки, Авдей сжал горячую руку жены.

— Ты как?

— Да что-то... плохо, — скривилась Кира. — Горло болит. Голова... Ну голова — ладно. Это от ветра. Тряска какая-то сумасшедшая. Как на «Формуле-1». Того и гляди башку оторвёт. И солнце. Глаза жжёт — не могу! И главное: понимаешь, что так будет до самой Москвы! Жуть какая-то, а не поездка. Да и хреново мне опять.

— Слушай! — Авдей сделал паузу. — Раз такое дело... Сколько мы от Новосибира отъехали? Километров пятьсот, не больше. Ну, может, пятьсот пятьдесят. Давай повернём на Алтай! Что-то мне не хочется дальше ехать, — наконец признался он. — А тебе?..

— А что? Давай реально на Алтай рванём! — вдруг согласилась Кира. — Там же здорово! Горы! Скалы! Степь до горизонта! Суслики шныряют! И солнце в глаза не бьёт. А бьёт ветер — от горизонта до горизонта. Круто!

— Крутотень! — Авдей вдруг улыбнулся. — Так что, завтра обратно катим?

— Да!

И почему-то сразу стало легче. Обоим.

Обнялись и под шум дождя незаметно уснули. Сначала, как водится, Авдей, а за ним и Кира. Ей снилось что-то очень хорошее, но она ничего не запомнила.

Обратно до Новосибирска пятьсот шестьдесят километров они пролетели за полдня. Почти три часа потратили, пересекая город и выбираясь из его пригородов. Был рабочий день, машин на дорогах оказалось много, а на трассе, ведущей к Барнаулу, шёл ремонт. Так что на просторы они вырвались только к вече-

ру. Несмотря на толчею и объезды, настроение было приподнятым. Солнышко то и дело ласково пригревало правую щёку, навстречу бежали луга и перелески, иногда пробрызгивал несерьёзный слепой дождик, и Кира в первый раз за путешествие вдруг почувствовала, что хочется петь. А потом они взлетели на пригорок и увидели: прямо перед ними в небе повисла огромная яркая радуга.

— Пи-хо! — закричала Кира, откидывая стекло шлема. Она обогнала Авдея, радостно поиграла ему и первая спустилась с пригорка вниз. Теперь Кира была уверена — они правильно выбрали дорогу!

Ни Авдея, ни Киру не испугала гроза, снова надвигавшаяся с запада. Когда стало темно, свернули с дороги где-то у посёлка Вересовка, отъехали с километр по лесной дорожке, а потом — в степь, уехали далеко, чтобы их не было видно, затаборились. Палатку натянули так, чтобы звенела, сварили настоящий суп из картошки, тушёнки и приправ, хорошенько поужинали, а потом даже прогулялись немного по округе, поглазели на далёкие огни посёлка.

Несмотря на поздний час и близкую грозу, в степи было не темно. Какой-то странный синий свет разливался в воздухе. В траве стрекотали цикады, вспархивали птицы, пахло польнью, нагретой землёй, чабрецом.

Спрятались в палатке, когда гроза, полыхая зарницами, подошла совсем близко. Ждали ливня, грома. Не дождалось. Ветер с силой дёрнул тент, несколько раз в отдалении погромыхало, словно там проехала пустая телега, забарабанили были капли дождя по палатке, по земле, а потом все стихло, и снова завели свою песню цикады.

Кире не спалось. Но было это не так, как в предыдущие ночи. Сейчас она чувствовала себя по-настоящему выздоравливающей. Она вышла из душевой палатки на свежий воздух и тут же позвала Авдея.

— Авда! Давай сюда! Посмотри!

Авдей выглянул:

— Вот это да!

Небо было разделено ровно пополам, и граница эта проходила прямо над палаткой. Там, на северо-западе, над оставленным Новосибирском, над далёким Омском полыхали баг-

ровые бесшумные всполохи. Небо было угольно-чёрным от туч.

А на юге, над Алтаем, там, куда они теперь ехали, небушко было светло-синего цвета. В центре этого неба сиял тонкий, почти прозрачный месяц, и звезда около него была яркая, лазоревая.

Всё как положено.

— Господи! — прошептал Авдей, нащупывая горячей рукой руку Киры. — Как же это... здорово!..

Кира кивнула, не в силах совладать с чувствами.

Спали сладко, как дети.

А на следующий день произошла встреча. Впрочем, ни Авдей, ни Кира сразу этого не поняли.

После Барнаула они остановились пообедать в придорожном кафе с высоким фундаментом и крутым каменным крыльцом. Народу вокруг было много. Сидели по обыкновению у окна, с аппетитом ели солянку, в которой плавали капли восхитительно-оранжевого жира и виднелись кусочки копчёной колбасы и мяса, заедали белым хлебом. Оба были голодными, словно не ели целую вечность.

Когда допивали чай, Кира, поглядывающая в окно, нахмурилась:

— Это что ещё за типы?

К кафе подъехал старенький серый минивэн, из него вышли трое бородачей в чёрном.

— Опять трое! И опять в чёрном! Это уже начинает становиться традицией! — пошутила Кира.

Сначала троица вроде бы двинулась к крыльцу, но потом один из мужчин заметил мотоциклы, бородачи подошли к ним да так и прилипли. Рассматривали, размахивали руками, что-то друг другу рассказывали.

Кира вопросительно посмотрела на мужа.

— Это что такое?!

— Ты доедай, я гляну, — Авдей срёб со скамьи куртку и шлем, вышел, загремев мотоботами по деревянному полу.

Кира мигом допила чай, торопясь, убрала посуду, вышла из кафе, спустилась по крутым ступенькам, подошла к Авдею, который разговаривал с огромным двухметровым черноволосым детиной лет тридцати трех. Одет детиной был в чёрную футболку и такие же джинсы.

Длинные волосы распущены по плечам. Он был слегка навеселе и находился в приятном возбуждении. А ещё он был в восторге от высокой, под стать ему, «Ямахи».

— Ах! Вот это мотоцикл! Как раз для меня! Так вот сел бы и ка-ак дал бы по трассе! А не могу! — он развёл руками, улыбнулся чуточку растерянно. — Не по чину потому что!.. Нельзя!

— Тебе заказывать? — спросил его один из бородачей.

Они заняли столик на улице.

— Конечно, — отозвался жизнерадостный детина. — Закажи там чего-нибудь поесть!

— Это отец Леонтий, он иеромонах, — объяснил Кире Авдей. Он уже успел познакомиться. — Из мужского монастыря, — он хлопнул себя ладонью по лбу. — Я уже забыл, где монастырь!

— В Коробейниково! — пробасил отец Леонтий. — Тут, как бы сказать... От Бийска направо поедете на Петропавловское и там всё прямо и прямо! Тут недалеко, километров сто — сто тридцать. А монастырь у нас, братцы, во имя Казанской иконы Божьей Матери! А знаменит он тем, ребята, что у нас находится великая святыня! — отцу Леонтию было хорошо, и он этого не скрывал. — Чудотворная икона Казанской Богородицы — Коробейниковская. Знаменитая икона. Много чудес через неё явилось миру. Заедете? Вы ж крещёные? Да? Православные? Ну так сам Бог велел заехать к нам, поклониться Богородице! Да вы вообще куда собрались-то?

— Ну как куда! — не растерялся Авдей. — В Горный Алтай! На горы посмотреть, на мотиках до границы проехать.

— А! Короче, ради познания? Ради познания можно и нужно путешествовать! Вы ж мимо Бийска поедете? Ну и заедете там в монастырь, скажете, отец Леонтий благословил! Да идите сюда, благословлю! — и, не дожидаясь, когда Авдей сложит ладони, благословил его, прошептав молитву.

Кира смутилась.

— Да я как бы... с непокрытой головой!..

— Всё равно идите сюда! — иеромонах благодушно благословил молодую женщину. — Только обязательно заедьте в монастырь, поклонитесь Богородице, слышите?

Пока отец Леонтий говорил, его друзья ждали за уставленным снедью столом, оглядывались на иеромонаха, не начинали без него.

— Хорошо, отче, — ответил Авдей, — сделаю!

— А я ведь сам в путешествие еду! — поделился иеромонах, — на Афон в паломничество мы собрались. Как раз ко дню преподобного Леонтия Мироточивого мы там и окажемся! Путешествие трудное и нужное. Да, если надо, я записочку там могу подать. За кого помолиться-то?

— За болящую Киру помолитесь, отче, — попросила Кира, — за болящую Марию и за Авдея — о здравии.

— Хорошо, — кивнул отец Леонтий. — А вы знаете, что значит имя Авдей? Авдей означает «божий слуга».

— А что значит Кира? — улыбнулась мотоциклистка.

— А Кира означает Кира, — ответил иеромонах. — Всё. Я — кушать! — он махнул рукой в сторону стола.

— Доброго здравия вам, отче! — поклонилась ему Кира.

Авдей пожал отцу Леонтию руку.

— Спаси Господи.

— Ну, теперь придётся ехать, — серьёзно предупредила Авдея жена, застёгивая шлем и надевая куртку. — Раз благословили, надо исполнять. Это тебе не хухры-мухры! Тут всякое может быть!

— Поедем, — покивал Авдей, — я понял. Надо, значит, надо. Ты же хотела в какой-то там монастырь? Ну вот и поедем. Будет тебе монастырь.

Остаток дня они провели на берегу реки за Бийском. Купались, стирались, варили ужин, смотрели в бинокль на беркутов, которые охотились на грызунов. Вечером слушали дружный хор лягушек, наблюдали, как над обрывом кружат ласточки.

— Ну что, может, дальше рванём? — неуверенно предложил Авдей уже ночью. Очень уж ему хотелось на Алтай, в горы, в степь.

— Фиг вам! — строго ответила Кира. — Тебе сказали, куда надо ехать! Никуда не денешься, поедешь.

— А ведь отец Леонтий выпивший был, а? Разве это ж можно?

— Можно или нельзя, не тебе судить, — отрезала Кира. — Будь он абсолютно трезвым, мо-

жет, и не заговорил бы с нами, мимо прошёл. А так хоть знаем, куда ехать и у кого помощи просить. Ты сам-то солянку вон в постный день лопаешь — и ничего! Сам себя не осуждаешь что-то. И вообще, благословили — значит, надо делать.

— Ну ладно, — Авдей был покладист.

Чересчур покладист!

— И вот даже не приставай ко мне! И вообще... Я больная и старая! Не лезь.

— Да хоть больная, хоть какая! — брякнул Авдей. — Я тебя любую люблю!

— Какой ты у меня... — Кира не сразу нашлась, что сказать, — постоянный!

— Что есть, то есть! — согласился Авдей, придвигаясь к жене поближе...

Та ловко двинула его локтем в бок и завернулась в спальник.

— Ах так! Ну и ладно! — Авдей отвернулся, обиделся.

Через мгновение он уже спал и не слышал, как его окликнула жена.

Ярким солнечным утром они выехали с места стоянки, немного вернулись по оживлённой трассе до Бийска, свернули по указателю налево, проехали через город и направились в неведомое Петропавловское. И тут же заблудились.

Расспросы давали мало. Они поворачивали то на север, то на юг и в конце концов, измучившись, через многочисленные деревеньки и посёлки по почти нехоженным тропинкам выехали куда-то прочь, в раскалённые полуденным солнцем поля.

В первый раз в жизни они видели поля подсолнуха до самого горизонта. Было пустынно и тихо. Над ними стояло белое от зноя небо, под колёсами был чернозём, утрамбованный тракторами и машинами до плотности железа. Через дорогу то и дело шмыгали огненные лисы, что привело Авдея в восторг, где-то далеко, в зелени полей работали ярко-жёлтые тракторы.

Было жарко и душно. Жар шёл снизу, от нагретых двигателей, солнце припекало через куртки, чёрные шлемы буквально раскалились на солнцепеке.

Утирая пот, то и дело останавливаясь, чтобы попить тёплой минеральной воды из пластиковой бутылки и снять какую-нибудь очеред-

ную одежду, они ехали и ехали куда-то вперёд, и вскоре им стало казаться, что поля бесконечны. Стоило остановиться, как тут же к мотоциклам слетались тяжёлые, словно бомбардировщики, жадные до крови пауты.

И лишь когда Авдей и Кира окончательно утомились, местность слегка изменилась, вдоль дороги пошли пригорки и низины, стали попадаться заброшенные станции техобслуживания, а потом показалось и само село Коробейниково, которое мало чем отличалось от всех тех сёл, которые они сегодня миновали.

Проехав по главной улице, они увидели слева огромный пустырь. А на пустыре — маленький, словно бы игрушечный или даже нарисованный храм красного кирпича с остроконечной колоколенкой и синими куполами-луковками.

Остановились и, открыв рот, смотрели. Вокруг не было ни души, только дальше по улице стучали топоры и звенели пилы — там что-то строили.

Спешились, почему-то стараясь не шуметь, сняли куртки и шлемы, сложили на мотоциклы.

— Иди первой, — негромко повелел Авдей жене.

Кира кивнула, торопясь, повязала на голову платок, припасённый специально для такого случая, поверх штанов надела длинную юбку до пят, став сразу бесформенной и неуклюжей.

— Ну тут как бы мужской монастырь! — объяснила она неприятно удивлённому Авдею. — Мало ли!.. Прогонят ещё.

Стоило ей сделать шаг в сторону храма, как, словно по сигналу, с крыши в воздух поднялись две голубиные стаи и у церкви словно выросли сизые крылья. На мгновения распростёрлись они в синем-синем небе, медленно обняли колоколенку да и растаяли в воздухе, как не было.

Кира перевела дух, чуть помедлила и тихонько пошла по дорожке к высокому крыльцу. Дорожка с двух сторон была ограждена затейливой кованой оградкой.

Внутри храма Кира нырнула как в прорубь.

Снаружи остались добела расплавленное солнце, нагретая дорога, загорелый, обуглившийся на солнце Авдей, раскалённые мотоциклы, редкая трава на горячей обочине.

В прохладе храма гуляло эхо. Неяркий свет лился из высоких, узких окошек. Стены и потолки были точно снег, иконостас отделан золотом. Откуда-то сбоку доносился мужской голос, читающий молебен. За лавкой стояла пожилая, но ещё бойкая женщина в платочке.

— Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну... — медленно, с выражением читал монах.

— Здравствуйте,— шёпотом сказала Кира церковнице. Дождалась ответного кивка. — Говорят, у вас тут икона чудотворная есть. Богородицы.

— Есть, — кивнула церковница. — Да вот она, справа.

Кира заколебалась.

— Да вы не бойтесь, подойдите.

Кира не помнила, как оказалась у иконы. Подняла глаза. Замерла, пораженная.

Икона была новой. Лики Богородицы и Христа были четко выписаны. Фон отсутствовал. Напрочь. Что-то невнятное, стёртое, старое.

«Как так?..»

Богородица — в нежно-розовом. Младенец — в белом и светло-зелёном.

— Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене...

Кира прикоснулась рукой к иконе. Икона вопреки всем законам физики была тёплой.

Долго стояла. Слов не было. Не было даже молитвы, кроме одного только крика мысленного: «Погибаю!..»

— Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися, — твердили издалека. — Да постыдятся и посрамятся ищущии душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся хотящии ми злая...

Наконец Кира подняла глаза на лик Богородицы. И увидела — через нарисованные глаза, через доску, через левкас и краску проступает другой лик, настоящий. Строгими очами вдруг поглядела на неё Божья Матерь с иконы — строгими и бесконечно печальными.

Миг — и видение исчезло...

Поражённая до глубины сердца, Кира опустилась на колени, прижалась лбом к простому

деревянному окладу и стала молиться, уже осмысленно повторяя за священником:

— Преславная Приснодево, Мати Христа Бога, принеси нашу молитву Сыну Твоему и Богу нашему, да спасет Тобою души наша...

Опомнилась не скоро.

«Авдей! Его же солнечный удар хватит на солнцепёке!»

Оступаясь из-за длинной, непривычной юбки, встала. Подошла к лавке. Заказала сорокоступ о здравии, написала записку, купила свечи. Увидела книжку об иконе, купила. Заметила подвеску в виде копии чудотворной иконы.

— Она ведь здесь освящена? В храме? У иконы? Продайте! И шнурок для неё дайте. И вот это ещё! Спаси, Господи! — в последний момент спохватилась: — А, вот ещё! Подскажите, матушка, можно ли сделать так, чтобы к иконе свечи ставили? Ну каждый день, насколько хватит? Можно? Спаси, Господи!

Смущаясь, положила в ящик для пожертвований купюру. ещё раз приложилась к иконе, трижды перекрестилась перед иконостасом, вышла обратно в пекло.

Авдей времени не терял, перекатил мотоциклы в тенёк под тополя у чьих-то высоких ворот. Сонно сидел на «Ямахе», шурился на Киру.

— Ты тут живой?

— Да нормально. А тут, представляешь, монахи-то в обычных домах деревенских живут! Кельи не построили ещё! Я тут поговорил малёхо с мужиками. Вон прямо в этом доме и живут.

Домик был небольшой, низенький, с крашеными ставенками, с черёмухой под окном.

— Здорово. Ты иди, поклонись иконе, свечу там поставь, я подожду. Там хорошо, прохладно.

— Аха! — Авдей с готовностью соскочил с мотоцикла, поправил поклажу, ушёл.

Пока ходил, со двора вышли несколько самых обычных мужчин, прошли мимо Киры, недовольно покосились на мотоциклы и красивую мотоциклистку.

— Вот какое дело: тут остановиться можно, переночевать, но мотоциклы поставить некуда, — начал было говорить довольно быстро вернувшийся Авдей.

Но Кира перебила его:

— Думаю, нам лучше уехать. И мы, и мотоциклы наши — искус для монахов. Напомина-

ние о вольной жизни. Лучше не надо. Через кого искус приходит, тот вдвойне грешен.

Авдей задумался.

— Да, ты права. Значит, обратно?

— Обратно, да. В магазин заедем. Хлеба надо.

В магазине продавщица изумилась, увидев через окно мотоциклистов. Наверное, в селе такие мотоциклы и не видели никогда, поняла Кира, когда женщина высказала ей своё удивление.

— Откуда и куда путь держите? Да на таких мотоциклах красивых?

— С Байкала, — ответила Кира. — В Горный Алтай. Хлеба, вон того! Свежий?

— Свежий. А к нам-то в глушь вас каким ветром занесло? — продавщица взяла деньги.

— Ничего себе — глушь! Вон какие святыни у вас тут в глуши!

— Это какие же? — снова изумилась продавщица.

— Как какие? А икона чудотворная в монастыре?

Продавщица сразу потеряла интерес, бухнула хлеб на стойку, бросила на блюдце мелочь:

— А-а, эта... Скажете тоже!

Настала очередь Киры удивляться:

— То есть вы тут живёте, а в храм не ходите?

— Да кому он нужен, этот храм! Неинтересно...

— Ну вот нам, с Байкала да на дорогах мотоциклах, — интересно! — отрезала Кира, забрала хлеб и сдачу, вышла.

А потом снова пекло полей, где не было даже намёка на тень, тряская дорога, иссушенный бурьян на обочинах, беспощадное солнце и жажда. Когда к вечеру они миновали наконец Бийск и стали искать место для ночлега, устали так, как не уставали после девятисот километров дневного пробега.

— Башка болит, не могу уже! — буркнул Авдей, когда они в очередной раз заехали в какие-то дебри и были вынуждены разворачиваться на узкой лесной дороге.

— Это от жары, — откликнулась Кира, — у меня то же самое. Мозги спеклись уже. Прямо индийское блюдо — мозги обезьяны, тушённые в горшочках! — она постучала по нагретому шлему.

Темнело, но прохладнее не становилось.

— Наверно, к буре, — предположил Авдей. — Надо табориться подальше от деревьев.

Наконец они нашли большую, укромную поляну, окружённую кустарником, поставили палатку, но тут из зарослей вылетели такие густые тучи мошкары, что Авдей, обычно не обращавший внимания ни на комаров, ни на мошку и терпеливо сносивший любые укусы, вдруг взвыл и полез внутрь палатки.

— Авда, ты чего? — растерялась Кира.

— Не могу больше! Честное слово, не могу! Достали! Извини, — опомнился Авдей. — Плохо мне что-то...

— Ну сиди там, — согласилась с таким решением Кира. — Я чаю сделаю. Где примус?

Через полчаса, кое-как стряхнув с себя обнаглевший гнус, Кира нырнула в тёмное палаточное нутро с котелком наперевес.

Авдей лежал на коврикe, сжав голову руками. Кира принялась хлопотать возле мужа: нашла таблетки от головной боли, подала минералки, налила чаю, сделала пару бутербродов.

Кое-как поев и умывшись тёплой водой из бутылки, легли спать. Наружу выходить не решились.

— Слышишь? — спросила Кира, когда они устроились на ночлег и перестали шуршать спальниками. — Комары прямо ломаются в палатку! С ума сойти!

— Да уж... — Авдей тяжело вздохнул, в темноте нашарил бутылку с минералкой, забулькал водой.

Снаружи гудело, словно там вился рой рассерженных пчёл.

— Разозлили мы кого-то, — констатировал Авдей.

Несмотря на тяжёлый день, сна не было ни в одном глазу. Возле лица противно пищали комары.

— Только сейчас сообразил: а мы проехали-то всего ничего! Километров триста! А чувствую я себя так, словно мотоцикл на себе весь день тащил!

— У меня то же самое! — откликнулась из темноты жена.

Авдей замолчал. Он думал о том, что до сегодняшнего дня не понимал, кто такая была Богородица. Ну, женщина. Ну да, Христа родила. Бога. Удивительно, но и только. Ну да, была свидетелем Его распятия. Но мало ли

женщин видели, как убивают их детей... Оценить этого Авдей не мог, детей у него не было. У брата сын и дочь, но брат был настолько ревнив, что почти не позволял им общаться с Авдеем. Да Авдей и не рвался, зная, что добром это не кончится. Поэтому понять роль Девы до конца воображения не хватало. И только сегодня понял, когда прикоснулся к иконе. Вот так вот, ни с того ни с сего. Вдруг. Это была не роль. Это был подвиг.

Рядом зажётся фонарик, Кира тихонько зашуршала чем-то. Авдей повернулся к ней.

— Ты чего там делаешь?

— Я книжку купила, — пробубнила в ответ жена. — Про икону. Читаю.

— Ну и что там сказано?

— Что она обновилась недавно. До тридцатого года лежала на пороге храма, под ногами, изображение стерлось. Это большевики постарались. Представляешь, её две женщины выкрали. Обычные такие деревенские бабы. Пошли и с помощью церковного сторожа стащили! Не побоялись, молодцы! А обновилась она в 1972 году.

— Это вообще как? — спросил Авдей.

Хлопнул себя ладонью по щеке. Комар.

— Иногда так бывает, икона сама по себе обновляется. На ней проявляется изображение, которое было, но по каким-то причинам исчезло. Ну вот я видела в Москве иконы, которые осветлились. Олифа же от времени темнеет так, что икона не видна уже. А тут — р-раз! — и все сразу видно. Чудо. То-то я удивилась, что фона нет. Мастера же обязательно фон иконы прописывают. А если она обновилась, то фон-то ведь неважен!

Авдей почувствовал, как медленно уплывает в сон. Голос жены звучал всё тише, смысл слов он уже не воспринимал. Весь этот день вдруг предстал перед ним как один из тех дней, что прожиты не зря. Да. Сейчас он знал это совершенно точно. Эта икона, и встреча с монахом, и все эти знойные поля подсолнухов до горизонта, и даже огненный хвост лисы, пробежавшей прямо перед мотоциклом, — всё теперь казалось ему исполненным тайного, нужного смысла.

Авдей впервые за долгое время был спокоен. Это не зря. И болезнь Киры, и простуда, и то-

венький месяц в располовиненном грозой небе, и радуга — всё вело их сюда, в храм. К Богородице.

«Спасибо тебе, Господи!» — успел ещё не произнести — подумать Авдей, и сон объял его.

Проснулся он от того, что снаружи рычали тысячи разъярённых волкодавов. Палатка ходила ходуном. Яркая вспышка осветила нутро, и, прежде чем зажмуриться, Авдей увидел, что Кира сидит, закутавшись в спальник и натянув на уши вязаную шапочку.

Следом сразу же раздался такой раскат грома, что Авдея прижало к задрожавшей земле.

Нащупал фонарик. Включил.

Увидел, как сумасшедше блестят глаза у Киры.

— Ну ты и спать! Конец света проспичь запосто.

— Это только гроза, солнышко! — сказал Авдей, сел, приобнял жену.

— Голова тоже болит! — пожаловалась Кира.

— Из-за погоды, что ли?

Палатка снова и снова освещалась вспышками молний. Грохотало непрерывно. Кира перекрестилась.

— Да вот, вот таблетки же! — Авдей засуетился, шаря вокруг руками.

— Ой, да выпила я уже!

— Тогда давай шею помассирую, легче станет, — предложил Авдей. — Хотя постой, сейчас мотики проверю.

— Я проверяла. Нормально там.

— Тогда иди сюда! — потребовал Авдей.

Он привлёк Киру к себе, повернул спиной, стал разминать напряжённые плечи. Жена вздрагивала каждый раз, когда над головой гроыхало. Кажется, тент палатки был готов взлететь в воздух и улететь куда-то прочь, хлопая крыльями, как огромная чёрная птица.

Где-то совсем рядом вдруг раздался оглушительный треск, земля дрогнула. Кира рванулась прочь, но Авдей силой удержал её.

— Т-с-с... — прошептал он ей на ушко. — Всё нормально. Это просто дерево. Мы в безопасности.

— Господи! Да что же это такое? — бормотала в темноте испуганная Кира.

— Буря. Просто буря. Нагрело днём, вот и...

Авдей прижал жену к себе, гладил по голове, и не только по голове, стараясь успокоить, а сам думал о том, достаточно ли крепко вбиты штормовые колышки палатки.

Наконец по палатке сначала редко, а потом все сильнее и сильнее забарабанил дождь. В следующую минуту на землю обрушился настоящий водопад.

— Авда! Палатка протекает!

И действительно, с самого центра купола сначала закапало, а потом вдруг побежало тоненькой, уверенной струйкой. Кира ахнула и подставила под струю металлическую миску.

Авда зашевелился.

— Пойду накрою тентом.

Подумал, стащил с себя трико, остался в одних трусах.

Вылез из палатки под холодные струи ливня, выпрямился, осветил фонарём на мотоциклы. Волосы мгновенно промокли, залило водой лицо.

Шагнул к «Ямахе», нащупал крючки «паука», притягивающего тент, который возил с собой как раз для таких случаев, к багажнику. Отстегнул, вернулся к палатке, стал разворачивать его, вспомнил о том, что тент надо чем-то прикрепить к колышкам, чтобы не сорвало, снова вернулся к мотоциклу — найти жгуты с крючками. По спине ощутимо хлестали ледяные плети ливня. Нащупал болтавшиеся жгуты, которыми днём были пристёгнуты чересседельные сумки, теперь стоявшие в тамбуре палатки, кое-как освободил их, снова стал разворачивать тент. Фонарик был не нужен, хватало молний.

Авдей расправил тент, чтобы накрыть палатку, и замер. В кустах черемухи напротив кто-то был. Кто-то огромный. Чёрный. Авдей схватился за фонарик, но, опережая его, польхнула молния, осветила всё вокруг.

Никого!..

«Показалось!»

Авдей на всякий случай тихонько осенил себя крестным знаменем, занялся тентом. Трусы намокли и норовили соскользнуть. Тогда Авдей просто стащил их и повесил на руль «Сузуки» — тот стоял ближе. Если кто-то и смотрел на него из зарослей, пусть полюбует-

ся на гурана во всей красе! Справившись с тентом, нырнул в палатку.

— Принимай героя! — воскликнул он, приземлившись на коврик. Кира, по опыту зная, что с мужа сейчас натечёт лужа воды, благодарно убрала его спальник в сторону.

— Держи полотенце, — накинула она на спину Авдею что-то сухое и колючее.

— Найди мне трусы, — попросил он, растираясь в темноте полотенцем.

Кожа покрылась мурашками от холода. Вот так всегда в дороге — то пекло, то холод.

— На фига герою трусы? — фыркнула Кира, осмелев.

Больше всего она боялась промокнуть, ещё боялась молний, а ещё — что прибьёт деревом. Но дерево уже упало, а они были живы. Молнии сверкали, но уже не над головой. А перспектива промокнуть и снова простыть отступала перед героизмом мужа. Она вдруг поняла, что поездка начинает ей нравиться.

Гроза уходила дальше на восток.

— Иди сюда, — позвала она.

Авдей покорно скользнул в синтетическое нагретое нутро спальника Киры. Он сразу же забыл и о грозе, и о странной тени в зарослях. Да была ли она? Скорее всего, ничего и не было. Вскоре ничего и не осталось в этом тёмном маленьком мирке палатки, кроме Киры, кроме её горячего тела и быстрых, торопливых поцелуев.

Спали в одном мешке, так и не разомкнув объятия.

Утро выдалось свежим, нежарким. Лёгкие облака плыли в высоком небе, умытое солнышко весело смотрело из-за леса. Комары стинули, словно их смыло вчерашним ливнем.

Авдей осмотрел землю под черёмухой, в зарослях которой ночью ему померещился некто. Разумеется, никаких следов там не оказалось.

Собрались, объехали рухнувшее на тропинку дерево, по скользкой дорожке выбрались на шоссе и сначала неторопливо, а потом быстрее и быстрее покатали на юг, к древнему прекрасному Алтаю.

Это была хорошая поездка. Немного отдавала грустью.

Они прокатились до далёкого алтайского села Кош-Агач, то и дело останавливаясь на днёвки, от души погоняли по кош-агачской степи, уезжая далеко к горам по каменистой, твёрдой, совершенно азиатской равнине, поехали по холмам предгорий у реки Кураики, полюбовались на близкие и далёкие яркие, заснеженные хребты гор, посмотрели на водопады на другой стороне Чуи, взглянули на головокружительный перевал Кату-Ярык.

Каждую ночь над палаткой повисали огромные, хищные звёзды, пахло чабрецом, мокрым речным камнем, хвоей.

Всё было так, как надо.

Если бы не будущая операция, всё было бы вообще просто отлично!

На обратном пути на Семинском перевале купили у пасечника шесть полуторалитровых бутылок прозрачного, как слеза, алтайского мёда и янтарной, крепкой медовухи и, словно перегруженные взятками усталые шмели, медленно покатали домой.

По вечерам на стоянках медовуха сшибала Авдея с ног. Стоило выпить полкружки, как ноги-руки немели, мысли текли вяло, Авдей проваливался в сон и крепко спал до самого утра.

В тот вечер они остановились на горном серпантине возле Кемерово, в густом перелеске возле шоссе. Заехали на крутой обрывчик и встали прямо над ним, на небольшой полянке, покрытой толстым слоем сухой коричневой хвои, по которой было приятно ходить. Где-то в отдалении, за лесом, ниже по склону шла железная дорога, иногда было слышно, как проходит поезд. Наверное, железная дорога тоже была извилистой, потому что поезд шёл медленно.

Авдей уснул, а Кира не спала из-за какого-то мистического страха, вдруг напавшего на неё.

Дело в том, что буквально за тридцать километров до стоянки они, отыскивая подходящее место, свернули с дороги и оказались в небольшом тупичке. Авдей по нужде отошёл с дороги в лес и вдруг позвал Киру:

— Иди-ка глянь, что здесь!

Кира поднырнула под низкие ветви ели, сде-

лала пару шагов в глубь леса, выпрямилась и очутилась на кладбище.

— Как-то мне тут неудобно, — буркнул Авдей и пошёл в другую сторону.

А Кира, рассматривая старые захоронения, неожиданно очутилась у неизвестной могилы. И попятилась.

Потому что оградка могилы с чёрной покосившейся пирамидкой была выгнута наружу. Неведомая сила изогнула металл, словно покойный, обладавший крутым нравом, не успокоился и на том свете.

Кира внимательно присмотрелась — а не могли это проделать вандал или мёрзлой землёй выперло оградку наружу? Но заборчик был изогнут так, что сомнений не оставалось — причиной этому был не человек и не мороз.

Но что тогда? В голове пронеслись сцены из Гоголя, словно тут был закопан страшный колдун, охотящийся за бедной Катериной.

Мгновение — и Кира из ельника прытко выскочила обратно на дорогу. Там — солнце, там — Авдей.

Теперь вид этой странной, зловещей могилы бередил душу, не давал спать. Кира то высчитывала, сколько километров они отъехали от кладбища, то пыталась убедить себя, что оградка выгнута какими-то природными силами и мистика тут совершенно ни при чем. Ныл, беспокоил след от крестика на спине. Кире даже пришлось намазать его мазью. Она ненадолго забылась тревожным сном и проснулась от чьих-то отчётливых шагов возле палатки.

Растолкала Авдея. Едва шевельнулся, прижала ладонью губы, чтобы не заговорил. Выдохнула в ухо:

— Авда, у палатки кто-то есть.

Авдей хотел было сказать, что померещилось, как бывало уже не раз, но смолчал. Теперь уже и сам слышал, что они не одни. Раздалось тихое позвякивание: кто-то возился с мотоциклом.

Моментально подобрался, выскользнул из спальника, нащупал топорик, начал осторожно открывать молнию входа, но в этот момент затарахтел двигатель его «Ямахи», и Авдей отбросил осторожность. Рванул вверх молнию тёплого кокона, протиснулся через щель в

тамбур, рванул ещё одну, кубарем выкатился наружу, в ночь.

Следом что-то испуганно кричала Кира.

Брезжил ранний рассвет. Человек, уже сидевший верхом на его — его! — «Ямахе», обернулся. В этот миг он показался Авдею огромным, словно перед ним был не угонщик, а чёрный огромный леший! Он открутил ручку газа, и мотоцикл скакнул вперёд по дороге, уходящей под обрыв.

Медлить было нельзя.

Авдей в два прыжка пересёк поляну, потрясая топориком, словно боевым томагавком, и прыгнул с обрыва вниз, надеясь хоть как-то задержать неизвестного.

Но ему это не понадобилось. Не справившись с мощным, тяжёлым мотоциклом, угонщик не вписался в крутой поворот лесной дороги, вылетел в чащу, упал, ударившись о массивный корень сосны, мотоцикл чем-то громко лязгнул, завалившись набок.

Авдей, оказавшись за спиной преступника, с ходу оседлал его, два раза двинул со всей мочи кулаком в ухо — не убивать же! — а потом схватил за волосы, вскочил, что есть силы дёрнул вверх, заставляя отморозка встать на колени, ещё раз ударил в ухо — чтобы не пришёл в себя. На плече у негодея болталась клеёчатая спортивная сумка. Авдей содрал её, отшвырнул прочь, обшарил злоумышленника, — оружия не было.

Встревоженная Кира уже светила фонарём. Луч света суетливо прыгал, не попадая в цель.

— Да свети же ты сюда! — заорал возбуждённый Авдей, поворачивая угонщика лицом к свету.

Выругался, узнав его.

Перед ним был «нацик». Тот самый, шерба-тый, что оскорбил Киру. Только теперь он был в тельняшке и в старом военном кителе типа «зелёнка».

— Да ты погоди! — начал было лепетать «сверхчеловек», но Авдей перебил его.

— Старый, сцуко, знакомый! — мотоциклист изо всех сил врзал под дых и без того обалдевшего от его напора преступника. — Рецидивист, тудуть его колом и растудуть!

Толкнул противника на землю, глянул в сторону мотоцикла и в азарте не удержался: пнул

шербатого, сморщился от боли в ступне, стогряча заорал спускающейся с обрыва Кире.

— Куда прёшься? Тащи жгуты, вязочки от палатки, что-нибудь тащи!

Пока Кира искала верёвки, стоял над врагом как победитель, то и дело потрясая топором и оглядывая окрестности — преступник мог быть не один.

Кира принесла тонкий нейлоновый шнур от палатки, и через две минуты «нацик» был связан.

— Он один? — Кира пугливо оглядывалась.

— Не свети по кустам! — рявкнул Авдей.

Пинками заставил врага подняться и вскарабкаться по дороге обратно на обрыв, толкнул на землю у палатки.

Обернулся к Кире. Та стояла рядом, глядя на мужа расширенными от страха глазами. Сейчас, в темноте, они казались чёрными.

— Тащи телефон! Одежду тащи. Штаны там...

Кира повиновалась.

Связанный слабо застонал, что-то пробормотал. Авдей легонько пнул его для острастки.

Кира принесла одежду.

— Телефон в куртке. Связи нет.

Подождала, пока муж оденется. Авдей, натягивая свитер, вдруг ощутил на щеке влажное — всё-таки раскроил скулу чем-то острым, когда сигал с обрыва. Утёрся, размазав кровь по лицу. Увидел Киру — она подавала платок.

— Не стой! — рявкнул ей. — Собирайся! Бери документы, телефон, амуницию. Поедешь за ментами.

— Куда? — Кира была уже готова внимательно выслушать и сделать что скажут.

— Километров через пять справа будет кафе «Три медведя», там попросишь помощи. Телефон у них должен быть или рация. Или покрытие сети.

— Братуха! Отпусти! — прохрипел «нацик».

— Не братуха ты мне, — Авдей чуть не добавил «гнида черножопая», но в последний момент сдержался и лишь зло хохотнул.

— Спроси его, он один или нет? — предложила Кира, но Авдей отрицательно покачал головой.

— Он тебе сейчас напоёт всё что угодно! Раз на помощь не зовёт, значит, один. Хотя... Щас

его заткну!— Авдей нашёл под ногами шапочку Киры, деловито зажал нос нацику, засунул шапочку в открывшийся рот, перемотал сверху лейкопластырем из аптечки. Пообещал:

— Будешь рыпаться, сделаю тебе «ласточку»!

Кира оделась быстрее, чем контрактник по команде «Тревога!». Пошла к «Сузуки», но Авдей остановил её, взял фонарь, осмотрел мотоцикл, присвистнул.

Задняя камера была спущена.

Вернулся к пленному и два раза пнул его уже чувствительно — мотоботы были тяжёлыми.

— Запасную камеру тащи! У тебя в боковом кармане, — скомандовал Авдей жене, ставя фонарь на землю так, чтобы было видно. Сам достал инструменты, монтажные лопатки. Подумал, вернулся к шербатому, не слушая его мычания, все-таки сделал ему «ласточку», чтобы не сбежал, спустился под обрыв, притащил валежину. Вдвоём они вывесили заднее колесо мотоцикла, быстро сняли его, разбортировали резину.

На замену камеры ушло не больше пятнадцати минут. Почти не разговаривали.

— Не хочу оставлять тебя одного! — только и сказала Кира, когда всё было готово.

— Не пропаду! — пообещал Авдей. — Езжай!

Пока грелся двигатель «Сузуки», Кира привычными движениями проверила документы. Права — во внутреннем кармане, деньги — в другом, так — телефон, ключи от квартиры... Всё на месте.

— Люблю тебя! — сказала Авдею, чмокнула в щёку, села за руль, осторожно, опасно балансируя, съехала вниз, под обрыв, повернула и скрылась с глаз в перелеске.

Только сейчас Авдей понял, что уже наступило утро. Прислушался — вот Кира заехала в ложбину, там грязь — нужно быть осторожнее. Нет, не упала. А теперь выехала на трассу, повернула. Правильно повернула, налево. Стоп! Остановилась? Нет, всё нормально, едет дальше!

Авдей перевёл дух, достал из чехла на поясе остро отточенную выкидушку, картинно поиграл ею.

— Пообщаемся? Ты, красавица, там что-то про мою жену говорил... Да ладно, не бойся, я — так! Попугать.

Никогда в жизни Кира не носилась по серпантинам так, как на этот раз. Передачами щёлкала, словно чечётку выбивала, то разогналась, то оттормаживалась перед поворотами, до упора нажимая на передние и задние тормоза, клала мотоцикл в поворот, выпрямляла на выходе и снова разгоняла до упора...

В голове вертелось только одно:

— Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас!

И всё-таки на одном из поворотов она чуть было не слетела с трассы, переднее колесо уже вроде бы начало «играть», отрываясь от асфальта.

Успела поймать край дороги, удержалась.

На площадку перед кафе влетела, заложила сумасшедший вираж. На стоянке никого не было. Только возился с ремонтом, подняв кабину тягача и подвесив над головой «переноску», какой-то бедолага-дальнобойщик.

Бросила мотоцикл у крыльца, ввалилась внутрь, какое-то время стояла, осматриваясь. Увидела молодую женщину-официантку, шагнула к ней, сдержала крик, боясь испугать.

— Пожалуйста, помогите! На нас с мужем напали...

Через полчаса к кафе подъехала патрульная машина.

Перво-наперво, что сделала Кира, — это показала полицейским служебное удостоверение журналиста. Так будет вернее!

— Напал, так сказать, на тебя? — жилистый и носатый оперуполномоченный прошёлся по поляне, осматривая разбросанный походный скарб, хитро подмигнул Авдею. — То-то ты, так сказать, на своих двоих, а он — в лёжку! А чё мотоцикл не поднял?

Щербатый был надёжно упакован в кондей в полицейской машине. Возле «Ямахи» бродил ещё один полицейский, с любопытством поглядывал то на Авдея, то на Киру, томящуюся возле «Сузуки». Больше — на Киру.

— А чтоб видно было, что да как. Попытка угона. Вызывайте криминалистов, мы подождём. А тип этот — в розыске. Его подельников взяли в Тайшете, — Авдей на мгновение умолк, вспоминая, — третьего июля! Похищение предпринимателя.

— Ага. Так сказать, проверим, — опер покинул, — разберёмся.

Кажется, он был даже доволен.

Ещё бы! И преступление, и наказание, и задержание преступника, находящегося, по видимому, в розыске. И делать ничего не надо! Только заявление принять да протоколы написать.

С дороги пешком пришел ещё один полицейский, махнул рукой оперу.

— Там все, как она сказала! Машина пустая, его, видать, машина. И, кажись, в угоне. Наверное, горючка кончилась, вот он и попёрся до железной дороги, ну и напоролся на палатку. Документы там в бардачке на другое имя. Ну я оставил для осмотра.

— Ты давай, Сидор, вызывай, так сказать, криминалиста, следователя. Будем ждать. Ждать долго придётся, — предупредил опер Авдея.

Тот согласно кивнул.

— Ну а что делать? Кирюша, — позвал Авдей жену, — давай сделаем кофейку на всех! У меня вода в канистре ещё осталась. Господа полицейские, поди, тоже кофею горячего хотят!

— Костёр разводить нельзя! — постным тоном сказал оперуполномоченный. — Чрезвычайный, так сказать, режим в лесах установлен. Слышали об этом?

— Дак у нас-то не костёр, — не растерялся Авдей, переходя на родной деревенский говорок с соответствующими интонациями, — у нас-то примус! Это костёр если, то опасно. А примус-то чё? Примус — нормуль! Щас всё будет!

Ждать пришлось действительно долго. Уставшая Кира в конце концов плюнула на приличия и залезла в палатку — поспать, а Авдей как владелец мотоцикла под руководством оперуполномоченного начал на коленке писать заявление. Опер то и дело поучал его.

— У нас подозреваемый избит? Откуда у него ссадины на лице? Вот меня спросят, а что я скажу?

— Э... Упал с мотоцикла? — пытался угадать Авдей.

— Это тоже пиши. Не справился с управлением. Упал, ударился о камень или что там? О ёлку! Потом полез драться. Тебя бил? А царапина откуда? Пиши — ударил меня кулаком...

— Давай лучше так: «Оказал сопротивление».

— Ну давай так!

Следователь и криминалист приехали в девять. Криминалист оказался толстеньким пожилым мужичком, на груди которого висел фотоаппарат с огромным объективом, а следователем — темноволосая девушка лет двадцати пяти в синей форме.

— Книппер! Анна Марковна! — представилась она Авдею и Кире, кивнула оперу. Носик покраснел от утренней прохлады. Через плечо висел старенький военный планшет. — А что, понятых нет?

— В труднодоступных местах, Анна Марковна, можно и без понятых, — мягко напомнил ей криминалист.

Авдей и вышедшая из палатки Кира во второй раз стали рассказывать всё с самого начала.

Анна Марковна внимательно выслушала.

— Где задержанный? Личность установили?

— Да вон в кондее, — рассеянно ответил притомившийся опер. — Вроде установили. Я по радиации связался с нашими, по сводке получается, что это Ерёменко Юрий Александрович. В розыске, — опер махнул рукой, — давно, и статей там, так сказать, плеяда!

— Ну так и что? Везите оформляйте!

— Не, Анна Марковна, мы вас тут не оставим. Мы, так сказать, будем осуществлять прикрытие. От жилья далеко, мало ли...

— Хорошо! Андрей Витальевич! Осмотрите мотоцикл, снимайте отпечатки... Заявление уже написали? — спросила Книппер Киру, та кивнула, указала на Авдея, мол, он писал.

— Отлично. Сейчас протоколы осмотра напишем, и всё, — следователь привычно сняла через голову планшет, достала бумагу, ручку.

Сначала пробежала глазами заявление Авдея.

— Всё в порядке.

Сесть было некуда, и писать пришлось на сиденье «Сузуки».

Кира сонно смотрела, как бегают по бумаге старенькая шариковая ручка, и думала, что работа у следователя не сахар: весь день, а то и ночь мотаться по району в компании суровых полицейских. Ладно, сейчас лето, а зимой, в минус сорок пять? Ногти у следователя были

коротко стриженные, ненакрашенные. На пальчике — недорогое колечко.

А ведь ей ещё допрашивать этого... «сверхчеловека»!

Ситуация явно не в пользу нациста. Кира внутренне улыбнулась.

— Какие повреждения на мотоцикле? И вот ещё — страховка у вас есть? — строго спросила следователь. — КАСКО?

— Нету, — буркнул Авдей.

Спрыгнул под обрыв, жестом спросил у криминалиста разрешения поднять мотоцикл. Тот кивнул, отступил в сторону.

— Я — всё.

Авдей поднял «Тенери», скрипя зубами, стал её осматривать.

— Поворотник разбит и облицовка треснула. Царапины! — крикнул он наверх. — Сломан замок зажигания.

— Во сколько оцениваете ущерб? — Книппер наверху тоже пришлось повысить голос.

Авдей помялся. Назвал сумму, следователь записала.

— Так, а вы у нас свидетель? — обратилась Книппер к Кире.

— Да.

Следователь писала и писала, и писала... Полицейские терпеливо ждали в машине.

— Да, вот ещё, — Авдей ногой пододвинул к следователю сумку. — Это — задержанного.

— О как! Смотрели, что там?

— Нет.

— Ну так давайте посмотрим, — Анна Марковна оглянулась, отыскивая глазами оперуполномоченного, который сидел у машины, махнула ему рукой. — Сергей Александрович, Андрей, идите сюда! Тут ещё, оказывается, сумка подозреваемого. Надо осмотреть.

— А чё раньше-то думали? — удивился опер, взобравшись по обрыву на поляну.

— Да чё-то вообще из головы вылетело, — развел руками Авдей. — Я, как её за палатку закинул, так и забыл.

Оперуполномоченный аккуратно открыл замок чёрной клеёчатой сумки. Присвистнул, приподнял локоть, чтобы всем было видно.

— Героин, что ли? — Авдей открыл рот.

— Да тут, так сказать, кроме дури... — поли-

цейский двумя пальцами вытащил из сумки пистолет. — Пээм! Э-э... Анна Марковна, может, досмотрим в отделении? Тут все серьёзно!

Увидев пистолет, Кира побледнела. Кошмарный сон байкера — быть застреленным в палатке из-за собственного мотоцикла. Но тут же себя одёрнула. Кто знает, что в её положении лучше? Быть может, лучше было бы сразу... Того...

— Да вы, так сказать, счастливички! — опер выпятил челюсть, окинул взглядом Киру и Авдея.

— Перестрелял бы вас — да и дело с концом! Следователь и криминалист занялись сумкой.

— А можно я с ним поговорю? — вдруг попросила оперуполномоченного Кира. — Разрешите! А то всю оставшуюся жизнь спать не буду! Нет, правда, ребята, разрешите? А?

Чего только не делает с мужчинами красивая женщина! Оперуполномоченный и сам был снедаем любопытством.

— Пошли!

— Хватит курить, — сказал он коллегам в машине. — Геть на воздух!

С двух сторон они с Кирой забрались на заднее сиденье УАЗа, и оперуполномоченный открыл окошко в кандее.

— Эй, Ерёменко! Подь сюды!

— Чё? — в окошке показались наглые чёрные глаза.

— Мы пистолет нашли. Твой.

— Не, начальник, ваще не знаю, о чём ты!

— В отказ идёшь? — опер нёсся по накатанной, и Кира поняла, что надо брать дело в свои руки.

— А можно я сама с ним поговорю? — она строго посмотрела на полицейского. — Я журналист, мне интересно, — напомнила она ему.

— Ну давайте, — опер был недоволен.

— Наедине, — уточнила Кира, пристально глядя оперу в глаза.

Опер несколько мгновений смотрел на неё, а потом отвёл взгляд.

— Хорошо.

Вышел из машины, негромко хлопнув дверцей.

— Эй! — позвала Кира. — Как тебя зовут? Юрий?

— Тебе какая разница, подруга? — с отяжечкой, насмешливо спросил задержанный.

— Да разницы никакой. Вообще пофигу. Я спросить тебя, Юра, хочу. Ответишь?

— Дак спроси, а там посмотрим, — бандит жадно приник к решетке, глядел на Киру с откровенной похотью.

— Ты почему нас не убил?

— На фига тебе? — глаза за решёткой стали удивлёнными.

— Надо.

— А что мне за это будет? Сиски покажешь? А то мне лет десять теперь сисек не видать! Покажи, а?

— Ты сам такой путь выбрал. Без сисек и с другими забавами, — отрезала Кира, не опуская глаз. — Ты верующий? Крещёный?

— Молитву, что ли, прочитаешь обо мне? — усмехнулся бандит, заёрничал. — Или поучать будешь? Не убий, не укради, не возжелай?

— Не буду. Ты на вопрос не ответил.

— Ну крещёный, чё дальше? Я неверующий. Бабка в детстве крестила, думала, старая, меня это спасёт, хе-хе. А я в ваши эти жидовские бредни не верю! Поняла?

— А бабушка-то у тебя еврейка, что ли, была?

— Русская! — фыркнул бандит.

— И в «жидовские бредни» верила, да?

— Ну и чё, к чему ведёшь? — грубо спросил «нацик».

— Ничё и ни к чему! — Кира невольно скопировала его манеру говорить. — Дурак ты, Ерёма, вот чё! Своё и чужое перепутал. Славяне, когда жили в лесу да молились колесу вашему, коловрату, что имели? Несколько княжеств — и всё! А православие нашу страну великой сделало! Все богатства, все земли нам Господь дал. И пока Христос с нами, никто нас не победит. Даже такие, как вы, понял?

Кира подумала, сняла с шеи образок Казанской Богородицы, купленный в Коробейниково.

— Чего придумал себе и каким богам молишься, не знаю. А когда совсем плохо станет, попроси её. Она мне жизнь спасла этой ночью. Может, и тебя спасёт когда-нибудь, кто знает?

— Не, подруга! Меня с такой цацкой свои не поймут. Поняла?

Кира помедлила.

— Ну как хочешь. Тогда оперу подарю, ему нужнее, — она нащупала ручку двери, потянула, дверца щёлкнула, открываясь.

— погоди! — вдруг прохрипел шербатый. Голос у него был, словно его душили. — Ладно. Давай сюда твою икону эту... Вдруг... пригодится!

Кира осторожно передала бандиту иконку, отёрнула руку, когда он кончиками пальцев ловко постарался дотронуться до неё, — испугалась.

— Ать! Всё же ухватил! — хихикнул рецидивист.

Какое-то время молчал, рассматривал иконку.

— Ты скоро? — в машину нетерпеливо сунулся опер.

— Минуту ещё! — ответила Кира, сама удивляясь своей нахальности. — Ну ты что? Умер, что ли? — позвала она Ерёменко.

— Да нет, — хрипло отозвался шербатый, — живой я... Ты знаешь, я ведь и хотел вас порешить, думал, два мужика в палатке! А потом вспомнил тебя в кафе. Вдруг, думаю, там баба?.. Я баб не трогаю. Баба — она... Короче... Решил, откачу моцык в сторонку да и заведу, я же на них с малолетства... Надо было твой взять да и скатить его по-тихому вниз! Этот-то тяжёлый, не накатаешь его... Короче, всё из-за тебя! — бандит матерно выругался.

— Нет, всё из-за жадности твоей! — Кира выскользнула из машины, сердито хлопнула дверцей.

Солнце уже разогнало утренний серенький туман, скрывающий небо, становилось жарко. Следовательно Книппер уверенно, по-мужски, попрощалась с мотоциклистами за руку.

— Все ваши контакты у меня есть! Если что, вас вызовут в местное УВД. Всё, поехали, машину ещё осмотрим, — скомандовала она коллегам. — Эвакуатор вызвали?

— Осмотрим и вызовем, рано ещё, спят все, — ответили ей.

Все сели по машинам и уехали к шоссе.

— Какая уверенная в себе девушка! — хмыкнула Кира.

Авдей взял отвёртку, стал, поругиваясь, ко-

вырвать замок зажигания на «Ямахе». Кира ходила по поляне, собирала вещи. Мысли разбегались, руки тряслись от пережитого. Она поднимала одно, роняла другое.

— Что он тебе сказал? — спросил на время примолкший Авдей.

— Да ничего, — задумчиво ответила жена. — Думал прибить нас, да передумал. Давай-ка я тебе лучше руку обработаю, ты ободрался.

Авдей оглядел костяшки пальцев.

— Наверное, надо.

Кира подняла валяющуюся у палатки аптечку, раскрытую Авдеем. Она была собрана специально для травм — с перевязочным материалом и снадобьями, достала бинты, бутылочку с антисептиком, стала осторожно обрабатывать правую руку мужа.

— Ты почему сразу оперу сумку-то не отдал? — спросила она.

— Да мало ли, — Авдей смотрел, как Кира мажет руку антисептиком. — Полицейские всякие бывают. А тут и протокольчик составили, и куча народу это видела.

— То есть ты всё же в сумку заглянул?

— Конечно, заглянул.

Кира закончила мазать мужу костяшки пальцев, перешла к скуле.

— А пальчиков твоих там не осталось? Не стянул там чего? Рядом с уркой не сядешь?

— Я что, на дурного похож? Не, всё путём. Даже если б золото было — не взял бы. Грязь это, счастья в жизни не будет потом. Правда ведь?

— Правда, — подтвердила Кира.

— Знаешь что? — вдруг спросил Авдей, блаженно ощущая прикосновение холодного ватного тампона к лицу.

— Что? — с готовностью спросила Кира.

— Домой хочу, — сказал Авдей.

— Ну так поехали.

И они поехали.

Правда, сначала пришлось отремонтировать замок зажигания на «Ямахе» и примотать изолентой разбитый поворотник и пластик.

Ночевали по пути только в отелях.

Последние десять дней перед биопсией Кира провела на даче в привычной, милой сердцу обстановке. На себя смотрела отстранённо.

Была спокойна. Настолько, что даже молиться не могла. Спала как убитая, правда, приняв заранее таблетку обезболивающего.

Авдей, который был рад всему, что напоминало о деревенском счастливым детстве, с удовольствием даже впрягся в дачные труды: косил, навешивал двери на недавно построенную баню, затем начал строить беседку перед домом.

Кира варила клубничное варенье и методично, по всем правилам, разливала его в банки, которые отправлялись в глубокий, холодный подвал. По вечерам пешком гуляли по окрестностям, катались на велосипедах. Кира любовалась чудесными крохотными домиками, выстроенными ещё в советские времена. Строили тогда замысловато, с претензией, словно хотели доказать, что и малыми средствами можно создать красоту. Башенки, балкончики, верандочки, точёные балясины, узоры из обрезков досок, непременная сирень и рябина у крыльца, хризантемы в палисадниках.

По вечерам жгли костёр на гравийной площадке у крыльца, жарили шашлыки, подолгу смотрели в звёздное небо. Целовались.

Кира прислушивалась к себе. Внутри было тихо. Перед бурей? Или после дождя? Она не могла разобраться. Да и не хотела.

Перед биопсией переехала в городскую квартиру. Сходила в поликлинику, сдала анализы. С результатами обречённо поехала в больницу. Сразу прошла на приём к заведующей отделением, всё объяснила.

Заведующая — тучная, активная женщина предпенсионного возраста, сначала смотрела на Киру поверх очков.

— Не волнуйтесь, всё сделаем, — твердила она. — Вечером сегодня ложитесь в отделение. Завтра с утра сделаем биопсию. Деньги на наркоз не забудьте. Кетамин платно ставим.

— А если без денег? — вредно поинтересовалась Кира.

— Если без денег, наркоз тоже сделаем. Масочный. Если результаты будут хорошие — пойдёте на лапароскопию на следующей неделе, как назначено. Прооперирую.

— Масочный не надо, — отказалась Кира, —

у меня гайморит хронический. Это мотоциклетное.

— Так, отсюда поподробнее, — насторожилась заведующая.

Кира огорчённо посмотрела на заведующую.

— Я ещё и аллергик. Вот список препаратов, на которые аллергия.

Заведующая заинтересованно качнулась вперёд, подперев грудью столешницу. Пробежала глазами перечень, задумалась.

— А знаете что? — вдруг сказала она, глядя не на Киру, а в окно. — Я вас не возьму. Если хотите, биопсию сделаем, а оперироваться вы с таким списком идите-ка в онкологию. А ещё лучше сделайте так: подождите, пока опухоль вырастет, вот тогда и идите.

Кира ошарашенно посмотрела на врача.

— И не смотрите на меня так. Случится с вами чего, я отвечать буду. А я не хочу.

— Вот так вот?

— Да. Вот так!

Кира молча взяла направление, список и вышла.

Дома она с такой же методичностью, с которой закатывала банки с клубничным вареньем, перебила половину нового китайского сервиза. Сервиз был дешёвым и единственным. Била в ванной, зажмуриваясь и отворачиваясь. Думала, станет легче. Не стало.

Тогда она принесла ведро, щётку с совком и убрала осколки.

Ночью в одиночестве скрипела зубами от боли. Не спала. Никому не звонила. Ни Авдею, ни матери.

Утром набрала номер ведомственной клиники, где оперировал знаменитый на весь город врач Мартынов, записалась на приём, узнала стоимость операции.

— Сколько? — переспросил Авдей, когда она вернулась домой. Встревоженный, он приехал с дачи и заявил, что останется с Кирой. Узнав, что лишился половины тарелок, разволновался ещё больше.

Кира назвала сумму.

— Ну и нормально! — Авдей с облегчением вздохнул. — Деньги же остались, ну! Когда на приём?

— Вечером, — крохотные морщинки на лице

Кире разгладились. — Мне сказали, если возьмут, с понедельника — на операцию. Нормально же, да?

— Да вообще здорово! — Авдей обнял жену.

Перед визитом к врачу наученная горьким опытом Кира заехала в храм. Попросила Авдея подождать. Зашла и сразу попала на окончание всенощной — на елеопомазание. Очередь была небольшая — человек пять, и Кира, радуясь, что так удачно заехала, встала в неё, дождалась своей очереди, подставила лоб, почувствовала, как тёплое масло растекается по бровям и векам, поцеловала поручи священника, напряженно улыбаясь, размазывая благоухающий елей по лицу, вышла, села в машину и поехала в больницу.

Врач Мартынов оказался невысоким, спокойным и вежливым. Посмотрел медкарту, анализы, покивал. Назначил дату.

— Никуда не ходите, всё у нас сделаем.

— Правда? — устало спросила Кира.

— Нет, ну если хотите сэкономить, можете и биопсию, и анализы сделать в обычной больнице. У нас масочного наркоза точно нет, — врач улыбнулся. Чуть-чуть, по-доброму. — Может, вы испытать его хотите? И кетамина у нас нет. Его, по-моему, в Европе даже лошадям не ставят. Там побочные эффекты такие, что мы давно отказались от него.

— А вас не пугает, что я аллергик?

— А что, аллергиков оперировать не надо? Я ничего особенного у вас не вижу. Ну аллергия на пенициллин, витамины... У нас прекрасные анестезиологи. Расскажите только им всё, чтобы сюрпризов не было. Давайте даже так сделаем: анализы у вас есть, завтра — на биопсию. Если нормально — в понедельник ложитесь в отделение. С собой — паспорт, деньги. Оплатите в приёмном покое. Во вторник сделаем. Да не волнуйтесь вы так! Ну! Улыбнитесь. Всё будет нормально. Три дня — и вы дома. Через две недели на коне ездить будете.

— А на мотоцикле?

— И на мотоцикле! — Мартынов вздохнул, покачал головой: ох уж эти женщины!

Больше всего Кира боялась, что умрёт. Не сделает чего-то важного, что ещё не сделано. А ещё опасалась, что после операции может

очнуться с трубкой в трахее. Это страшило даже больше, чем смерть. Нет, самой смерти она не боялась. Боялась того, что может случиться там.

Молиться не могла. Совсем. От страха, наверное.

Наотрез отказалась перед операцией снимать крестик. Медсестра, ошарашенная её горячностью, махнула рукой.

— Ну он вроде недорогой, ладно...

Когда Киру, находящуюся уже в полуморочном состоянии от медикаментов, ввели на каталке в операционную, она перекрестилась.

— Да что вы в самом деле! — грубо сказала пожилая реаниматолог, пока Киру пристёгивали холодными ремнями к столу. — Всё нормально будет!

Протёрла ледяным сгиб руки, аккуратно, быстро ввела иглу в вену, начала одно за другим вводить лекарства. Приказала:

— Считайте от десяти до одного.

Кира послушно стала считать, но на восьми почувствовала, как закружилась голова, и вместо «семь» сказала:

— Ну всё, поехали!

Последнее, что видела, — свое лицо на мониторе. Оно было чёрным от страха.

Опухоль оказалась доброкачественной.

— Представляешь, если бы ещё пару недель, она бы лопнула, и у меня был бы перитонит. Вот было бы здорово. И ещё, — подумай только, — если бы мы поехали до Москвы, у нас не было бы денег на операцию.

Две недели спустя Кира и Авдей лежали на широких скамейках на даче и любовались звёздным дождём. Август — время звездопадов.

Авдей растянулся, широко раскинув ноги и упираясь ими в землю, а Кира — закинув руки за голову и скрестив ступни. Нагретый за день воздух медленно остывал. Не сразу, а как будто рывками. То тепло-тепло, а потом вдруг ощутимо обдаст волной холода.

— Что? — Авдей повернулся к Кире, и она поняла, что он совсем не слышит её, слушает музыку с телефона.

— Что ты там слушаешь? Дай! — она забрала у мужа один наушник, вставила в ухо, сразу попросила. — Сделай погромче!

В ухо полилась знакомая песня. Бутусов.

*Скажи мне, птица, что такое горе,
Что есть добро, которое мы ищем,
И сколько зим мы потеряли в споре —
Давать или не давать монету нищим.
Скажи мне, птица, что такое звёзды...*

— Почему он говорит: «Скажи мне, птица?» — неожиданно прервал молчание Авдей. — Что она может ему сказать? Она может лишь чирикнуть.

— А может, это птица Гамаюн? — задумчиво ответила Кира. — Или просто — поэт так видит! Может же он видеть что-то по-своему?

— Восемь. Я насчитал восемь падающих звёзд. А ты? — Авдей чувствовал, как скамейка холодит между лопаток.

— А я — одиннадцать.

— А ты загадала желание?

— А ты? Ты загадал?

Авдей замолчал и молчал долго. Наконец заговорил.

— На следующей неделе пойдём к отцу Владимиру.

— Зачем? — поинтересовалась Кира.

— Замуж тебя хочу взять.

— Так мы вроде женаты, — Авдей по голосу понял, что Кира улыбается.

— Женаты. Но не венчаны. Надо исправить.

— Угу...

— Что — «угу»? — спросил он строго.

— Ну я вроде как согласна.

— То-то! — Авдей помолчал. — Может, пойдём в дом? Холодает.

— Мне не холодно, давай ещё немножко посмотрим, — попросила Кира.

В наушнике зазвучала её любимая песня.

— Моя звезда всегда со мной, — неторопливо звучал голос.

— Моя звезда горит внутри

И говорит мне: «Подожди,

Постой чуть-чуть, ещё немного.

Нам предстоит неблиз-ка-я доро-ога...»

— Опять эта нудятина, — Авдей вздохнул, вытащил из уха наушник, отдал Кире телефон, сел. — Пойду чаю заварю. Надоело.

Кира осталась одна. Она все смотрела и смотрела в небо. Она ждала, стараясь охватить взглядом сразу всё пространство между сопками.

«Господи, — взмолилась она, — если мы тебе важны, если ты с нами, а я знаю, ты с нами, ты всегда рядом, подай нам знак. Что мы не безразличны тебе. Что всё у нас ещё впереди. Что-то важное. Что мы нужны тебе! Ведь всё то, что я пережила, для чего-то нужно, правда? Пожалуйста, Господи! Мне так надо знать, что Ты рядом! Что я не одна!»

Кира затаила дыхание. Небо было глухим и неподвижным, с севера наплывали облака, одну за одной закрывали звезды.

«Ну, пожалуйста!» — мысленно взмолилась Кира.

И дождалась.

Через весь небосклон, от горизонта до горизонта, прокатилась, медленно сгорая, большая лазерная звезда. Упала куда-то далеко за покрытые лесом холмы.

Поражённая Кира села, все ещё глядя в небо, несколько раз глубоко вздохнула, чувствуя, как на глазах выступают горячие слёзы.

Встала с лавки, медленно поднялась на крыльцо. Обернулась.

— Спасибо тебе, Господи, — прошептала. — Слава тебе, Господи. За всё — слава!

Потом повернулась и вошла в светлое нутро дома. Её ждали чай с мятой, клубничное варенье. Её ждал любимый Авдей.

□

Майя Владимировна НОВИК —
журналист, писатель.

Окончила Литературный институт им. М. Горького (2007).

Публиковалась в журналах «Российский колокол», «День и ночь»,
«Огни Сибири», «Сибирь» и др.

Опубликованы романы «Пограничник» (издательство «Лепта»),
«Зона вторжения. Байкал» («Астрель-СПб») и повесть «Шесть дней Всемирного потопа»
(при поддержке отдела культуры Ангарского муницип. образования).

Учредитель мотоклуба «Байкал», организатор мотопоходов.

Живет в живописных предгорьях Саян в Ангарском районе
(Иркутская область).

Член Союза российских писателей.

В журнале «Север» публикуется впервые.

